

^с
ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТОЧКИ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

О Ч Е Р К И

[Vladimirovitcha]
Всеволода Крестовскаго.

Изданіе второе

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

1865

Изданіе В. Е. Генкеля

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ.
3 Мая 1867 г.

Въ типографіи В. Спиридонова
(Б. Подъяческая, № 19.)

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

заключающая въ себѣ приуготовленія къ назначенному вечеру.

Петербургскіе вечера, иначе называются — *jours fixes*, другимъ, какимъ либо именемъ они и не могутъ называться здѣсь, въ Петербургѣ. Въ этомъ названіи — изволите ли видѣть — Петербургъ даетъ чувствовать свое стремленіе къ *somme il faut*, къ аристократизму. — Въдѣ тутъ каждая чиновница воображаетъ, что она болѣе или менѣе *листократка* и что ея благовѣрный, занимающій *сиклитарскую* должность — тоже *листократъ*! Но.. Петербургъ, Петербургъ! точно ли ты ари-

стократъ и точно ли ты *compte il faut'en*?!.. Не походишь ли ты скорѣй на очень смышленнаго орангутанга, который весьма быстро перенимаетъ человѣческіе пріемы, что однако ни мало не мѣшаетъ ему оставаться очень хорошимъ, хотя и глупымъ орангутангомъ.

Эти пресловутые *jours fixes* устраиваются обыкновенно такимъ образомъ.

Какойнибудь супругъ или супруга, а чаще родители взрослыхъ дочерей, возчувствовавъ себя, въ одну счастливую минуту, въ благодушественномъ расположеніи духа, говорятъ:

— А знаешь ли что, другъ мой, какая мнѣ пришла идея: не устроить ли намъ *jours fixes*?

— Ахъ, прелестно! чего же лучше! Надо молодыхъ людей побольше—потому Маша, Катя, Лиза, Саша...

— Ну, да!... молодыхъ... ну, да!... но и солидныхъ тоже не мѣшаетъ... Я думаю, даже солидные лучше будутъ.

— Ну, и безподобно! Такъ мы и молодыхъ и солидныхъ! А что это будетъ стоить?

— То есть—расходы?

— Ну, разумѣется, расходы! Во-первыхъ—чай;—ужь мало-мало осьмушка выйдетъ, сахару тоже фунтовъ пять—это тоже мало-мало; пожалуй, иной разъ и больше выйдетъ; потомъ разныхъ разностей къ чаю—печеній, бисквитъ...

— Ну, мужчины этого не ѣдятъ... А вотъ ромъ такъ ужь наобно, и лимоновъ надобно—безъ этого нельзя. Потомъ закуска, ужинъ тамъ. что ли, а *ла фуриетъ*...

— Да, я полагаю—*а ла фуриетъ* лучше: оно и прилично и менѣе требовательно—гости не могутъ такъ взыскивать, какъ за ужиномъ настоящимъ. Потомъ—лампы, свѣчи.

И т. д., и т. д.—Супруги повергаются въ кладезь хозяйственныхъ расчетовъ, руководимые побужденіями отчасти скарднаго свойства: имъ хочется, чтобы это и дешевле было, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приличнѣе, чтобы лицомъ въ грязь не ударить, потому—Маша, Катя, Лиза, Саша и проч. суть аргументы такого рода, которые необходимо тре-

буютъ соблюденія послѣдняго условія. Наконецъ сговариваются и рѣшаютъ цифру расходовъ.

— Теперь на счетъ дня: какой бы день удобнѣе назначить?

— Я полагаю — воскресенье.

— Нельзя, душа моя, воскресенье. Въ воскресенье у Юліи Филипповны вечера; эдакъ только общество разобьешь и больше ничего.

— Ну, такъ въ субботу.

— Въ субботу?... Гмъ... Нѣтъ, и въ субботу нельзя; у Ивана Карлыча музыкальные вечера по субботамъ — мы приглашены вѣдь; никакъ не возможно!

— Ну, въ пятницу.

— Опять неудобство, Филать Іонычъ по пятницамъ ѣстъ постное и Фелисата Егоровна — тоже постное, — а два стола готовить — затруднительно.

— Ну, такъ и по средамъ, значить, тоже нельзя?

— И по средамъ нельзя, — во-первыхъ — Филать Іонычъ, а во-вторыхъ, Георгій Ми-

хайловичъ по средамъ въ оперѣ, а безъ Георгія Михайловича—и вечеръ не вечеръ.

Такимъ образомъ—по днямъ, вся недѣля по чему либо, оказывается то невозможною, то весьма затруднительною: различные Филаты Ионычи и Георгіи Михайлычи препятствуютъ назначенію избраннаго дня. Наконецъ, послѣ долгихъ и многодумныхъ размышленій, совѣщатели-супруги останавливаются на понедѣльникъ — потому понедѣльникъ день самый удобный; приходится онъ послѣ воскресенья, когда весь народъ гуляетъ и когда болѣе всего петербургскіе жители назначаютъ *журъ-фиксы*. Вечеръ понедѣльника петербуржецъ чувствуетъ себя болѣе спокойнымъ и свободнымъ и потому скорѣе всего пойдетъ на *журъ-фиксъ* къ какому нибудь Прохору Константиновичу и Марьѣ Ивановнѣ. А Марья Ивановна съ Прохоромъ Константиновичемъ, зная сію струну, и назначаютъ именно понедѣльники. — И при встрѣчѣ со всѣми знакомыми своими, первымъ же словомъ заявляютъ необыкновенно довольные собою:

— А у насъ *понедѣльники*! Приходите къ намъ на *понедѣльники*!

— Если позволите — сочту за особенную честь-съ... Непремѣнно-съ...

— У насъ *понедѣльники*, ваше пр-во! Позвольте надѣяться, что вы не откажетесь посѣтить насъ своею милостью — сдѣлайте намъ честь вашимъ посѣщеніемъ. Вы у насъ первый гость, ваше пр-во!

— Какіе дни, говорите вы, четверги?

— Понедѣльники, ваше пр-во, понедѣльники-съ!

— А, хорошо!... Какъ нибудъ заверну, если случится близко. Хорошо, хорошо!...

— Иванъ Григорьевичъ, заходи-во, братъ! У насъ *понедѣльники*. Его пр-во бываетъ... Закусимъ, выпьемъ, въ картишки перекинемся...

— Это я могу... Это по нашей части. Такъ и его пр-во бываетъ?

— Какже, какже! Постоянно бываетъ!

— А!.. непременно, непременно буду! Твой гость — надоѣмъ даже!

— Дарья Михайловна! У насъ *понедѣльники*,—его пр-во бываетъ... Какой милый чело-вѣкъ — совсѣмъ *свой*, домашній... Надѣюсь, что вы не забудете нашихъ *понедѣльниковъ*? Мы стараемся, чтобы всѣмъ было *пріятно*: я, Дарья Михайловна, и Южкина пригласила. Напомните ему, когда увидите!

Дарью Михайловну внутренно передергиваетъ при имени Южкина, которому она очень симпатизируетъ и потому не хочетъ, чтобы другіе замѣчали эту симпатію; но тѣмъ не менѣе уколота Дарья Михайловна говоритъ, что *понедѣльниковъ* Марьи Ивановны она не забудетъ и Южкину приглашеніе передастъ, а внутренно Марью Ивановну посылаетъ къ чорту и обдумываетъ, въ какомъ платьѣ будетъ у нея въ первый *понедѣльникъ*.

— У насъ *понедѣльники*, monsieur Коробниковъ! надѣюсь васъ видѣть. Маша, Катя, Лиза и Саша очень рады будутъ вамъ... У насъ такое веселое общество... такъ все это радушно, семейно; болтаемъ, поемъ, танцуемъ... Такъ можно на васъ рассчитывать?

— Непремѣнно-съ!.. И monsieur Коробниковъ кланяется съ наипріятнѣйшею улыбкою.

Приготовленія къ званымъ днямъ отличаются такимъ характеромъ только въ среднемъ и преимущественно въ чиновномъ—замѣтьте, въ *чиновномъ*, но не въ *чиновничьемъ* кругу (это однимъ градусомъ выше, т. е. тамъ, гдѣ господствуетъ штабъ-офицерскій рангъ и *теп-лота* извѣстнаго рода). Въ кругу beau mond'a это дѣлается совсѣмъ иначе: тамъ хозяйка, при случаѣ, между прочимъ и почти вскользь, объявляетъ, что въ такой-то день она постоянно дома—и кончено; всѣ ужь такъ и знаютъ, что сей сонъ означаетъ.

Первый назначенный вечеръ отличается для хозяевъ особеннымъ значеніемъ и особенною торжественностью; еще съ утра полотеры внесли въ комнаты невыносимо спиртуозный запахъ мастики и умастили полы до сверкающаго лоску. Горничная съ лакеемъ всѣ стекла перетерли, всю мебель крыломъ перепачнули, всѣ замки кирпичемъ перечистили. Марья Ивановна—сама, вмѣстѣ съ кухаркой,

утромъ сбѣгала на Сѣнную за провизіей и въ кондитерскую за десертомъ.

Прохоръ Константиновичъ самъ съѣздилъ въ винный погребъ и закупилъ рому, коньяку, водокъ и винъ. Вина двухъ достоинствъ: лучше — для его пр-ва и нѣкоихъ избранныхъ, похуже — для остальныхъ смертныхъ. Прохоръ Константиновичъ и картъ нѣскольکو колодъ купилъ, изъ коихъ одну игру атласную, — собственно для его пр-ва; для его же пр-ва купилъ онъ и особенно изящныя щеточки и особенно изящныя мѣлки. Заѣхалъ къ Тень-Кате и купилъ сотню дорогихъ сигаръ въ 18 р., собственно для его пр-ва и немногихъ избранныхъ, коимъ разрѣшалось дымить вездѣ, во всѣхъ комнатахъ; затѣмъ Прохоръ Константиновичъ заѣхалъ въ первый попавшійся табачный магазинъ и купилъ сотню сигаръ Геллера, въ три съ полтиной цѣною — для всѣхъ остальныхъ смертныхъ, коимъ разрѣшалось дымить только въ его собственномъ, Прохора Константиновича, кабинетѣ, и то при дверяхъ затво-

ренныхъ, дабы геллеровское зловоніе не проникло въ другія комнаты и не першило въ горлѣ дамъ и особъ возвышенныхъ.

И Прохоръ Константиновичъ и Марья Ивановна въ этотъ день почти и не обѣдаютъ—имъ некогда, недосугъ, они слишкомъ ажитированы, слишкомъ погружены въ хлопоты и распоряженія; они такъ только кое-чего *перехватили* изъ съѣдобнаго—и опять за работу.

Маша, Катя, Лиза и Саша тоже въ страшныхъ хлопотахъ и заботахъ. Онѣ съ ранняго утра загоняли и сбили съ ногъ свою горничную, которая то грѣла утюги и гладила имъ юбки, шемизетки, рукавчики, то подшивала оборки, то припекала волосы и завивала *букль-д'амуры*. Марья Ивановна приказывала ей мыть подоконники,—Маша, Катя и Лиза съ Сашей приказывали убирать имъ головы, подшивать имъ платья, сбѣгать на Невскій за пудрой и вымыть поскорѣй тюлевые рукавчики. Происходилъ антагонизмъ. Горничная не знала, что дѣлать, на что рѣшиться;

Маша, Катя и Лиза съ Сашей выбѣгали въ кухню къ Марьѣ Ивановнѣ съ выговоромъ. Марья Ивановна съ выговоромъ же мчалась въ комнату Маши, Кати, Лизы и Саши—обѣ стороны сталкивались на полдорогѣ и подымалась семейная баталія: — крикъ, шумъ, визгъ, пискъ, даже ругань, даже слезы, потомъ опять визгъ и ругань — и наконецъ хлопанье дверьми и финальная ругань на горничную, служившую въ этомъ случаѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, козломъ отпущенія.

Наконецъ къ вечеру все это кое-какъ улаживалось. Марья Ивановна облакалась въ новый чепецъ съ розовыми лентами и въ фамильную пунцовую шаль съ турецкими разводами—полученную ею въ приданое; Маша, Катя, Лиза и Саша тоже выкатывались въ залу—какими-то распушенными амурами и принимались съ особенною граціей ходить по комнатамъ и заглядывать во всѣ зеркала—такъ, какъ въ обыкновенное время онѣ никогда не ходятъ и никогда не заглядываютъ; то подойдутъ онѣ къ фортепьяно и попро-

буютъ голосъ, или пробренчатъ польку, то опять примутся ходить съ особенною граціей. Марья Ивановна повинимала изъ шкафчика все фамильное серебро, весь хрусталь, и занимается раскладкой поизящнѣе и попышнѣе купленныхъ фруктовъ, конфектъ и варенья, — и раскладываетъ все это такимъ образомъ, чтобы на видъ казалось десерту побольше, тогда какъ въ сущности его немного. Раскладываетъ она и даетъ лакею инструкціи какъ и что и кому прежде подавать — «да чтобы перчатки-то бѣлыя, нитьныя, надѣть не забылъ-бы!» Прохоръ Константиновичъ самъ заранѣе откупориваетъ вина и сигары, ставитъ пепельницы и присутствуетъ самолично при заправкѣ лакеемъ лампъ и свѣчей и при чисткѣ зеленаго сукна на ломберныхъ столахъ.

Наконецъ лампы зажжены, все въ порядкѣ, все готово. Марья Ивановна и Прохоръ Константиновичъ, съ самодовольнымъ видомъ и потирая руки, выходятъ въ «парадные комнаты» полюбоваться эффектомъ и посмотреть,

«каковъ общій видъ». Общій видъ очень эффектенъ и ихъ совершенно удовлетворяетъ. Родительскимъ окомъ они оглядываютъ дочерей—и дочери ихъ удовлетворяютъ. Марья Ивановна въ одномъ уголку въ гостиной зажигаетъ «амбре»—и по комнатамъ распространяется благоуханіе. Прохоръ Константиновичъ очень доволенъ благоуханіемъ и думаетъ: будетъ ли его пр-во, и какъ лучше его встрѣтить, какою фразою, какимъ привѣтствіемъ?

Марья Ивановна думаетъ, какъ бы все это было поприличнѣе и какъ бы гости поменьше чаю пили, поменьше десерту брали и за ужиномъ на вино бы особенно не налегали. Маша, Катя, Лиза и Саша думаютъ о *messieurs* Коробниковыхъ и о томъ, какъ онѣ хороши и интересны, и какъ онѣ затмятъ всѣхъ подругъ собою, и какъ всѣ, всѣ будутъ ими плѣваться...

Бьетъ восемь часовъ, а гостей все еще нѣтъ. Каковъ то будетъ *первый* журъ-фиксъ? Какъ-то онъ удастся?.. Для *перваго-то* вѣдь

и порадовать нужно было, для *перваго* такъ и старались всѣ—потому по первому будутъ судить, о первомъ, — какъ знать—быть можетъ и говорить-то станутъ.

Тонкое благовоніе несется по комнатамъ, яркія лампы сіяютъ праздничнымъ свѣтомъ, чистота и порядокъ заявляютъ себя въ каждой мелочной вещицѣ—сердца бьются и переполнены ожиданія, надеждъ и мечтаній—и вотъ....

Въ прихожей звучно раздается первый звонокъ....

ГЛАВА ВТОРАЯ.

или тревоженія Прохора Константиновича и кипяченія Марьи Ивановны, подъ названіемъ:

«Назначенный вечеръ»

Звучно раздается въ прихожей первый звонокъ— и сердца хозяевъ екнули. Первый звонокъ на первомъ вечерѣ!... Кого-то . даетъ онъ, о комъ возвѣщаетъ?—быть можетъ о самомъ его пр-вѣ!..

Лакей пошелъ отворять дверь. Прохоръ Константиновичъ поспѣшно обтянулъ борты сюртука, подергалъ книзу свою жилетку, откашлянулся въ руку, подобно дьячку передъ чтеніемъ апостола, и, празднично-пріободрившись, нетерпѣливо сталъ заглядывать издали

въ полурастворенную дверь залы. Но за дверью никого еще небыло видно..

— Что такъ долго?—надо быть это *самъ*.. его пр-во! екаетъ взволнованное сердчишко Прохора Константиновича...

Марья Ивановна устроиваетъ на лицѣ своемъ подобающую обстоятельствамъ, — милую, но церемонную растяжку губъ, оправляетъ свою пунцовую шаль и, охорашиваясь вскользь передъ зеркаломъ, думаетъ: «кого — то тамъ чортъ несетъ... долго что-то топаютъ въ прихожей... Вотъ если бы его пр-во, такъ это другое бы дѣло было!»

Распушенные амуры, въ видѣ Маши, Кати, Лизы, Саши, тоже вертятся пѣвами передъ зеркаломъ и охарашиваются, торопливо, но тщательно, а сами думаютъ: «вѣрно это анге Коробниковъ! Ахъ, когда бы онъ!..»

Но вотъ растворяется дверь залы и показывается... увы! (первое разочарованіе) не его пр-во и не анге Коробниковъ, а просто маленькій, сморчкообразный чинушка, съ ваткой въ ушахъ и медалью, «да не постыдимся»,

которую онъ неукоснительно возлагаетъ на себя даже и въ «партикулярномъ сюртукѣ».

— Прохоръ Константиновичъ!... Марья Ивановна! . бормочетъ онъ, разшаркиваясь съ широкимъ захватомъ ногою и весь превратившись въ наипріятнѣйшую улыбку.

Прохоръ Константиновичъ, у котораго улыбка свѣтло-торжественная вдругъ превратилась въ кислую (а у Марьи Ивановны въ кислѣйшую), подалъ гостю руку. Гость подлотѣлъ къ Марьѣ Ивановнѣ въ надеждѣ облебызать ея дамскую ручку, которую Марья Ивановна, съ своей стороны, располагала вручить ему только для потрясенія. Гость уже подносилъ ее къ губамъ своимъ, какъ вдругъ, на полдорогѣ, Марья Ивановна, замѣтивъ эту эволюцію, вся какъ-то съежилась и сухо задержала руку, потянувъ ее назадъ. Гость въ замѣшательствѣ чуть не стукнулся лбомъ о концы ея пальцевъ и очень сконфузился. Сконфузившись, обратился съ неловкимъ молчаливымъ поклономъ къ распушеннымъ амурамъ. Распушенные амурь плавно

понагинали слегка головы и поклонились въ величественномъ, но недовольномъ тонѣ.

— Ахъ, ты, чортъ меня дери! думаетъ про себя окончательно сконфуженный чинушка. И нужно же мнѣ было полѣзть цаловать! И дернуло же меня придти-то сюда?!.. Ну, зачѣмъ, зачѣмъ, подлецъ! зачѣмъ, мерзавецъ! Для чего-о?

Всѣ находятся въ весьма неловкомъ, затруднительномъ положеніи. Чинушку хоть и звали на *понеделники*, но звали такъ, en passant, потому что другихъ звали, а онъ тутъ въ это время подвернулся: не позвать — неловко; ну, и его позвали, въ надеждѣ, что мизерный чинушка никакъ не придетъ, а онъ, подлецъ, какъ нарочно, взялъ да въ первый же разъ и пришолъ вотъ, да еще первымъ. Такіе мизерные гости какъ-то ужъ отъ бога имѣютъ способность — всегда весьма некстати являться первыми и неожиданными.

— Не угодно ли ко мнѣ въ кабинетъ? выручаетъ и себя и его Прохоръ Константиновичъ.

Гость соглашается съ удовольствіемъ.

— Курнуть не прикажете ли? предложилъ хозяинъ, пододвигая папирсы. Но гость ужъ намѣтилъ сигары, и сигары дорогія—восемнадцати-рублевые и собственно для его пр-ва приготовленныя.

— Нѣтъ-съ, ужъ я лучше сигарочку, если позволите.

— Сдѣлайте одолженіе! приглашаетъ обязательный хозяинъ.

И рука чинушечки тянется прямехонько таки по направленію къ восемнадцати-рублевымъ.

— Ахъ, не берите этихъ! поспѣшно предупреждаетъ его хозяинъ. Этихъ я вамъ не рекомандую... это—такъ себѣ, посредственный сортъ!.. А вотъ, если вы настоящій курильщикъ и знатокъ, такъ я вамъ дамъ сигарочку—ужъ могу сказать, что сигарочка!.. Прелесть! (И хозяинъ лобызаетъ кончики своихъ крестоперстно сложенныхъ пальцевъ).

Гость очень польщенъ такимъ вниманіемъ къ своей особѣ и думаетъ: «ну, если это у

тебя дрянъ называется, такъ какова же должна быть та, которую я курить буду!»

Хозяинъ достаетъ геллеровскую сигарку, весьма любезно самъ обрѣзываетъ ее на гильотинкѣ и подаетъ гостю.

— Вотъ-съ, рекомѣндую!.

Гость закуриваетъ, закуриваетъ — и все никакъ раскурить не можетъ: сигарка углится и коптитъ. Наконецъ ему удается преодолѣть сію трудность. Онъ вбираетъ въ себя струю дыма и, закашлявшись, морщится. — По комнатѣ смрадно распространяется геллеровское зловоніе.

— Ну, что? Какъ вамъ нравится? спрашиваетъ хозяинъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ убѣжденъ въ достоинствѣ своей сигары и неминуемо требуетъ ей похвалы.

— Да... сигарка ничего... хорошая сигарка... морщится и першится ею гость, наказуя себя куреніемъ—только ради приличія.

— Хмъ!.. ничего!.. Вы, батенька, посмакуйте, да вкуритесь въ нее сперва—докурите эдакъ до половины, а потомъ и говорите

свое мнѣніе!.. Ужь я вамъ говорю, однимъ словомъ, что сигара— прелесть! первый сортъ! Ужь я дурныхъ вѣдь держать у себя не стану! да мнѣ оно и не ловко... и нельзя даже держать дурныя...

— А что, его пр-во будетъ нынче у васъ? мягко спрашиваетъ чинушечка, снова раскуривая свою сигарку, которая уже успѣла неровно обуглиться и потухнуть.

— Да-а!... отвѣчаетъ съ самоувѣренной важностію хозяинъ, спуская это «да-а» нѣсколько хриплымъ, гортаннымъ басомъ, что, какъ извѣстно, весьма много способствуетъ солидности и внушительности тона произносимой рѣчи, равно какъ и полурычанія и полумычанія на букву «э-э-э» и т. п.— Да-а! непременно, непременно будетъ! подтверждаетъ онъ, очень довольный, что гостю пришелъ въ голову вопросъ «о его пр-вѣ», объ «особѣ», которая такъ хорошо знакома съ Прохоромъ Константиновичемъ и «запросто» бываетъ у него на вечерахъ — «какъ свой родной, почти какъ домашній».

Прохоръ Константиновичъ взглядываетъ на часы — скоро девять, а еще никого нѣтъ — одинъ только чинушка сидитъ въ кабинетѣ и поминутно подбѣгаетъ къ свѣчкѣ раскуривать свою то-и-дѣло гаснущую скверность.

Прохоръ Константиновичъ торопливо бѣжитъ въ залу освѣдомиться — не пришелъ ли еще кто-нибудь, хотя въ душѣ своей твердо убѣжденъ, что пока еще, кромѣ чинушки мизернаго, никто не позвонилъ у двери и въ залѣ никто не показывался.

Амурамъ ужъ надоѣло охорашиваться и павами ходить по комнатѣ, и потому, разсѣвшись себѣ въ разныхъ углахъ по диванчикамъ, онѣ уже дремлютъ потихоньку отъ одуряющей скуки. Марья Ивановна сидитъ, какъ спичка, на «хозяйкиномъ мѣстѣ» и злобственно передергиваетъ губами.

— Что это ихъ никого не несетъ нелегкая!? говоритъ она, обращаясь къ вошедшему Прохору Константиновичу.

Прохоръ Константиновичъ, не находясь — какой дать отвѣтъ на это, только поднимаетъ

кверху брови и кверху же въ недоумѣніи пожимаетъ плечами. Амуры по диванчикамъ сонливо позевываютъ.

— Пожалуй никто и не пріѣдетъ еще, продолжаетъ Марья Ивановна.

— Пожалуй...

— Вотъ это славно! Это будетъ прекрасно! кипятится Марья Ивановна, вся въ багровыхъ пятнахъ отъ злости. Что, если въ самомъ дѣлѣ никто не пріѣдетъ?... Это... это чортъ знаетъ что! Для чего же мы тогда тратились? для чего же мы заготовляли все — десертъ, чай, ужинъ готовили? Для чего все это? Понаготовили всего — а тутъ и жрать некому будетъ, хоть за окошко выкидывай! Это очень неблагородно, это даже неблагодарно съ ихъ стороны — не пріѣзжать, когда ихъ звали, когда тутъ цѣлая кухня для нихъ настряпана! (Въ Марьѣ Ивановнѣ, когда она en colère, говоритъ чиновница даже и не штабъ-офицерскаго ранга).

Часы, между тѣмъ, грустно и монотонно бьютъ девять.

— Ну, хорошъ *журъ-фиксъ*! нечего сказать, очень хорошъ! Хоть бы одна какая собака заѣхала! А все кто? — все вы, все вы, вы, Прохоръ Константиновичъ, виноваты!

— Да я-то чѣмъ-же, помилуй, матушка?!

— Какъ чѣмъ? это мнѣ нравится!... А кому, позвольте спросить, кому первому пришло въ голову? кому? мнѣ, что-ли? Ну-съ, отвѣчайте, отвѣчайте, — мнѣ?

— Да обоимъ намъ пришло...

— Лжешь! лжешь, безстыдникъ ты эдакой! кричитъ Марья Ивановна. Тебѣ! тебѣ первому пришла въ голову эта сумасбродная идея! Только расходъ, только трата одна!

— Да тише вы, Христа ради! шопотомъ урезониваетъ Прохоръ Константиновичъ. Стыда на васъ нѣтъ! Что вы кричите-то? вѣдь чужіе люди слышатъ!

— Кто это чужіе люди? гдѣ они, эти чужіе люди? Чинушка-то вашъ несчастный, что въ кабинетѣ сидитъ? Это что-ли чужіе люди? А плевать ему въ самую бороду, когда такъ! Вотъ нарочно же буду кричать, нарочно!

Пускай его слушаетъ да не шатается впередъ!

— Матап! да тише вы! что это, въ самомъ дѣлѣ, скандалъ какой подымаете! флегматически откликаются съ диванчиковъ позыывающіе амурь.

— Какъ! что? взвизгиваетъ Марья Ивановна, звонко всплеснувъ руками — такъ звонко, что чинушка въ кабинетѣ со страхомъ съежился и подумалъ: «Господи! ужь не драка ли тамъ!» и поспѣшно сталъ искать шапку — но шапка оказалась оставленною въ залѣ, а въ залу выдти онъ считалъ невозможнымъ и потому остался на своемъ мѣстѣ, скорбя душою и проклиная себя: — «зачѣмъ, молъ, дуракъ, оселъ ты эдакой, пришелъ-то сюда! и чего тебѣ тутъ нужно было?»

— Какъ! что? вопить между тѣмъ Марья Ивановна, и вы, дѣти родныя, и вы на меня, на мать свою?!... Ужь я, видно, не хозяйка здѣсь! Меня здѣсь никто уважать не хочетъ, меня здѣсь каждый обижать можетъ! Я пѣшка, я не хозяйка! А когда такъ — дѣлайте же безъ меня сами, какъ знаете! Я совсѣмъ

больна, я ухожу къ себѣ въ спальню и къ вашимъ гостямъ не выйду!

И Марья Ивановна въ слезахъ удаляется въ свою спальню.

Въ это время въ прихожей раздается сильный звонокъ. Прохоръ Константиновичъ стоитъ совсѣмъ растерянный и ошалѣлый. Этимъ звонкомъ его словно громомъ пристукнуло.

— Господи! Господи! бормочетъ онъ самъ съ собою, блуждая по комнатѣ глазами. Господи, что же это будетъ такое? Что же я за несчастный человѣкъ такой уродился! За что же на меня такое испытаніе тяжкое послано! Чѣмъ прогрѣшилъ я передъ Тобою? *Что, если это его пр-во!!?*

Но это не его пр-во. Растворяется въ залу дверь—и всплываетъ Дарья Михайловна, хотя и раздушенная и разрисованная, но тѣмъ не менѣе очень эффектная.

Прохоръ Константиновичъ заставилъ мускулы свои устроить налюбезнѣйшую улыбку, съ которою и ринулся храбро на встрѣчу Дарьѣ Михайловнѣ.

— Дарья Михайловна! дорогая Дарья Михайловна! какъ мы рады, какъ мы довольны, что вы пріѣхали, не забыли насъ!...

— А гдѣ же супруга ваша? Почти на первомъ же словѣ любезно прерываетъ его Дарья Михайловна.

— Супруга?... хмъ... хмъ!.. (Прохоръ Константиновичъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ потираетъ руки и улыбается). Супруга. . А гдѣ же она въ самомъ дѣлѣ?... э-э-э... Катя! Лиза! вы не знаете, гдѣ тама?

— Она тамъ... въ неопредѣленномъ родѣ и въ видѣ кроткихъ агнцовъ отвѣтствуютъ Катя и Лиза.

— Ахъ, тамъ?... Такъ я сейчасъ за ней сбѣгаю... Что это она въ самомъ дѣлѣ замѣшалася такъ? пойду выговоръ сдѣлаю.. Садитесь пожалуйста, Дарья Михайловна, прошу покорно!.. Я сейчасъ же!..

И Прохоръ Константиновичъ бросается въ спальную жены.

О, Боже!...

Пунцовая шаль Марьи Ивановны валяется

на полу рядомъ съ грязными юбками; новый чепецъ Марьи Ивановны изорванъ, истерзанъ и мокнетъ въ сосудѣ, для храненія чепцовъ вовсе не предназначенномъ—т. е. въ рукомойникѣ, а сама Марья Ивановна, уткнувъ лицо въ подушку, плашмя лежитъ на постели и старается, при входѣ мужа, возрыдать истерическимъ рыданіемъ.

— Марья Ивановна! пощадите меня! умоляетъ Прохоръ Константиновичъ. Дарья Михайловна пріѣхала, васъ видѣть желаетъ, спрашивала объ васъ.

Марья Ивановна продолжаетъ рыдать.

— Марья Ивановна! голубушка, дорогая моя, любимая моя, ангелъ мой небесный, Марья Ивановна! умоляетъ супругъ, упавъ передъ нею на колѣни и бія себя кулаками въ грудь и ланиты. Не рѣжьте меня! Пощадите дѣтей нашихъ! Вѣдь мы родители четырехъ птенчиковъ! Я не стою васъ, Марья Ивановна, я скотина, я подлецъ, мерзавецъ, я загубилъ вашу жизнь—я чувствую это! Я все, все чувствую! Вымещайте на мнѣ послѣ

вечера, какъ только вамъ угодно будетъ. Ну, даже прибейте меня — я благодаренъ буду вамъ, но только теперь, теперь-то умилосердитесь! Выйдите въ залу!..

Марья Ивановна продолжаетъ рыдать, а въ прихожей раздается новый звонокъ.

— О, Господи! и чего *они* лѣзутъ?! Чего имъ нужно отъ меня?! Вотъ казнь-то! восклицаетъ, вспрыгивая съ колѣнъ, огорченный супругъ, ломая въ отчаяніи руки.

Въ прихожей раздается еще одинъ, и опять таки новый звонокъ.

— А что, какъ вдругъ его пр-во? молніей мелькаетъ въ головѣ Прохора Константиновича—и онъ, недокончивъ моленій своихъ передъ женою, со всѣхъ ногъ бросается въ залу—встрѣтитъ новоприбывшихъ и... быть можетъ самага «генерала!»

Но слава богу — это пока еще не его пр-во! Это адъютантъ Дарьи Михайловны, Южкинъ, и анге Коробниковъ, а за ними Иванъ Григорьевичъ — тотъ самый Иванъ Григорьевичъ, который былъ званъ на вы-

пивку и перекуску, и который, узнавъ, что у Прохора Константиновича его пр-во бываетъ, общался даже надоѣсть хозяину своими посѣщеніями.

И всѣ они,—какъ на зло, какъ нарочно и словно сговорившись — на первыхъ же словахъ освѣдомляются о Марьѣ Ивановнѣ.

Марья Ивановна?... хмъ! хмъ!... Она сейчасъ выйдетъ... Катя! Лиза! Подите, поторопите мамашу! спѣшить отдѣлаться Прохоръ Константиновичъ, старающійся въ учащенныхъ улыбкахъ и въ потираньи рукъ сокрыть свое замѣшательство.

Катя съ Лизой удаляются подъ сѣнь маменькиной спальни, но черезъ нѣсколько времени кисло возвращаются назадъ—повидимому, безъ всякаго успѣха. Это обстоятельство до послѣдней степени ажитируетъ Прохора Константиновича и онъ, на смѣну дочерямъ, стремглавъ бросается къ лону своей супруги. Волосы его — дыбомъ, въ глазахъ его — слезы, въ тѣлѣ — нервическая дрожь. Самая-то суть настоящей истерики была не у

Марьи Ивановны, а у Прохора Константиновича въ эту тяжелую для него минуту. Прохоръ Константиновичъ, по истинѣ, былъ даже ужасенъ въ своемъ необыкновенномъ паѳосѣ.

— Вы меня погубили! Вы меня зарѣзали! трагическимъ шопотомъ вопіетъ Прохоръ Константиновичъ. Вы убили судьбу нашихъ дочерей—ихъ никто не возьметъ послѣ такого скандала... Вы испортили мою карьеру—такъ теперь же мнѣ все равно! Вотъ пріѣдетъ его пр-во, --возьму и наговорю ему дерзостей, даже... даже дамъ ему пощечину, при свидѣтеляхъ; всѣхъ гостей перебью, не разбирая пола и возраста, и въ шею вытолкаю! Пусть же меня судятъ! Пусть меня судятъ—мой богъ и мой государь! Пусть я пойду подъ красную шапку, въ солдаты, или въ рудники, въ Сибирь, на поселеніе!.. Или лучше—пулю въ лобъ!.. Лучше сейчасъ же повѣшусь, зарѣжусь, но не перенесу такого позора, и скажу всѣмъ, что вы—вы убійца своихъ дочерей!.. Иду!..

Прохоръ Константиновичъ, очевидно, отъ

Отчаянія зарапортовался, но тѣмъ не менѣе весьма рѣшительно бросился къ двери.

Истерику Марьи Ивановны какъ рукой сняло. «Легче серны молодой» воспрянула она отъ своего скорбнаго ложа, въ догонку за благовѣрнымъ, и принялась утѣшать и умиротворять его очень супружески, съ большою нѣжностію. Она никакъ не ожидала такого рѣшительнаго порыва отъ своего муженька. Злость ея на время угомонилась подъ другимъ, болѣе сильнымъ и неожиданнымъ впечатлѣніемъ.

А въ прихожей, между тѣмъ, безпрестанно раздаются звонки. Народу набирается все больше и больше. Приѣхалъ и Георгій Михайловичъ, что по средамъ бываетъ въ оперѣ, Юли Филипповна, у которой вечера по рессансамъ, и Иванъ Карлычъ, съ віолончелью, тотъ самый, что музыкальные вечера тамъ составляетъ; подвалилъ и Финнычъ, что по средамъ и пятницамъ не скоромнаго; подкатила и Фелисата Егоровна, что по пятницамъ и средамъ ѣстъ

постное—словомъ, почти всѣ гости въ сборѣ и всѣ спрашиваютъ:

— А что же Прохоръ Константиновичъ? а гдѣ же Марья Ивановна?

Катя и Лиза, освѣдомлявшіяся прежде объ одной только маменькѣ, въ ея спальней, освѣдомляются теперь о папенькѣ и о маменькѣ — вкупѣ, и выручаютъ ихъ передъ гостями, между которыми начинаютъ уже ходить темные слухи и смутныя предположенія относительно страннаго отсутствія хозяевъ. Мизерный чинушка кое-кому шепчетъ по секрету онъ слышалъ изъ кабинета какіе-чуженькіе крики и споры въ залѣ, и нѣ навѣрное — но кажется кто-то кощекѣ ударилъ. Гости улыбаются тельно покачивали головами. Мария и Лиза и Саша начинали уже терять брѣтая благовидные предлоги отсутствующихъ родителей и неся на себѣ тѣниманія столь многочисленныхъ гостей.

Но вотъ—слава тебѣ господи! — Прохоръ Константиновичъ съ Марьей Ивановной по-

казываются наконецъ въ гостиной, съ нѣкоторыми невольными слѣдами разстройства на лицахъ своихъ, извиняются и говорятъ, что они передъ самымъ началомъ вечера получили отъ одного родственника пренепріятное письмо, которое ихъ такъ сразило, огорчило и т. д., но что теперь, благодаря нѣкоторымъ объясненіямъ, все оказалось сущимъ вздоромъ, нестоющимъ никакого вниманія, и что съ этой минуты они въ полномъ распоряженіи своихъ милыхъ гостей, которымъ такъ рады, такъ довольны, такъ благодарны и проч. и проч.

Гости, повѣсившіе было носы свои, замѣтно пріободрились и разговоры пошли бойче, быстрѣе и веселѣе. Между тѣмъ пробило десять часовъ.

— А чтоже, чайкомъ побалуютъ-то, али нѣтъ? говоритъ, подходя то къ одному, то къ другому гостю, Иванъ Григорьевичъ, обладавшій достаточнымъ запасомъ желчности и любившій свертывать фразы свои на простонародный ладъ, подражая при этомъ манеръ и произношенію александринѣйшихъ артистовъ.

— Какой ужь тутъ чай! хозяева, слышно, передралися, замѣчаетъ въ отвѣтъ на это гость.

— Да намъ-то чтоже? коли ты позвалъ, такъ, значить, и наитай меня! резонируетъ между тѣмъ Иванъ Григорьевичъ и вслѣдъ за тѣмъ присовокупляетъ:

— Пойдемте-ка, батенька, лучше въ кабинетъ,—тамъ, я видѣлъ, великолѣпныя сигары стоятъ—такъ мы эдакъ тово... поподчуемъ ими другъ друга!.. угостимся!..

Когда Прохоръ Константиновичъ, послѣ означенной катастрофы, впервые вступилъ въ свой кабинетъ, онъ чуть было не ахнулъ отъ неожиданнаго пораженія: по комнатѣ густо ходили сѣдые волны ароматнаго дыма. Геллеровская скверность была нетронута, а теңъ-катевская драгоцѣнность въ сильномъ раззорѣніи—даже мизерный чинушка, и тотъ, бросивъ недокуреннымъ рекомендованное ему произведеніе Геллера, самовольно сосалъ гаванскую регалію и, какъ нарочно, изъ числа самыхъ отборныхъ, приуготовленныхъ для осо-

бы его пр-ва. «Боже мой, Боже мой! будетъ ли теперь имѣть цѣну и значеніе въ глазахъ его пр-ва эта превосходная гаванна, если всѣ, если всякая дрянъ курить у меня подобныя же? Это... это даже, можно сказать, неуваженіе къ особѣ его пр-ва!» думалъ и терзался про себя и безъ того уже истерзанный Прохоръ Константиновичъ.

Но вотъ и половиина одиннадцатаго, а его пр-ва все нѣтъ какъ нѣтъ.

— Чтоже его пр-во? то-и-дѣло спрашиваютъ нѣкоторыя особы изъ гостей, подходя то справа, то слѣва къ Прохору Константиновичу.

Тембръ голоса и самый видъ Прохора Константиновича ужъ не такъ самоувѣрены и горды, какъ были въ началѣ, когда онъ отвѣчалъ чинушечкѣ: «его пр-во? — да-а! непременно, непременно будетъ!».. Теперь Прохоръ Константиновичъ смутно начинаетъ чувствовать, что пожалуй и не будетъ, пожалуй и не пріѣдетъ его пр-во!.. и потому онъ отвѣчаетъ съ недоумѣніемъ:

— Не понимаю, право, отчего это? Обѣщался быть непремѣнно... Вѣрно задержало что нибудь... Можетъ и прїѣдетъ еще...

— Да, можетъ быть... сомнительно замѣчаютъ гости и отходятъ отъ Прохора Константиновича.

Но одни отходятъ, а другіе подходятъ. И все тотъ же неизмѣнный вопросъ: «а что же его-то пр-во?» И чѣмъ больше проходитъ время, тѣмъ чаще спрашиваютъ мучители гости о его пр-вѣ и тѣмъ неувѣреннѣе, тѣмъ сконфуженнѣе становится Прохоръ Константиновичъ. Ушелъ онъ наконецъ отъ гостей своихъ и сталъ въ гостиной, за широкою, толстою занавѣсью, глядѣть въ окно— не подѣдетъ ли наконецъ карета его пр-ва и тѣмъ избавить его отъ мучительной нравственной пытки.

Но карета не подѣзжаетъ, а въ гостинную между тѣмъ входитъ желчный Иванъ Григорьевичъ и мизерный чинушка, незамѣчая, что за занавѣской сокрытъ ихъ хозяинъ и амфитріонъ Прохоръ Константиновичъ. Слы-

шить Прохоръ Константиновичъ, что ведутъ они разговоръ о немъ, чувствуетъ онъ себя неловко, еще неловче выдти ему—а потому онъ остается какъ бы пригвожденнымъ къ своему мѣсту и осужденнымъ судьбою выслушивать слѣдующія рѣчи:

— Чортъ знаетъ что! это наконецъ чистое свинство! говоритъ сильно недовольный Иванъ Григорьевичъ. Позвать людей и не дать имъ порядочнаго пуншу даже! Эта Марья Ивановна, какъ видно, препорядочная скареда!

— Охъ! яга-баба! вѣдьма, чистая вѣдьма! замѣчаетъ въ отвѣтъ на это чинушка. Я вамъ скажу,—какъ она по щекамъ мужа сегодня отлупила—ну, то есть мое почтеніе!

— Быть не можетъ! восклицаетъ Иванъ Григорьевичъ, но восклицаетъ, очевидно, такимъ тономъ, какъ будто ему очень пріятно, что Марья Ивановна Прохора Константиновича по щекамъ отлупила.

— Ну, клянусь же вамъ, какъ честной человѣкъ, самъ своими собственными глазами изъ другой комнаты видѣлъ! завѣряетъ

съ убѣдительными жестами чинушка. Взяла эдакъ его за вихоръ—да со щеки на щеку, со щеки на щеку! такъ и отлупила!

— Ай, звѣрь же какой баба! Да впрочемъ, ему, дураку, такъ и надо. Вѣдь онъ дуракъ. Вы развѣ не знаете этого?—глупъ, батенька мой, глупъ какъ пѣшка! совсѣмъ набитый дуракъ выходитъ!

— Черезъ жену, говорятъ, и въ люди вышелъ: покровитель вывезъ. И меньшая-то дочка, говорятъ, не отъ него, а отъ покровителя!.. Да и не одинъ тутъ покровитель-то былъ! Много ихъ, покровителей-то этихъ ему находилось!

У Прохора Константиновича вся кровь къ головѣ прихлынула, кулаки сжались и въ глазахъ помутилось; онъ хотѣлъ броситься на гнуснаго клеветника и поносителя, но... остался на мѣстѣ.

— А генералъ-то видно не будетъ! хе-хе-хе! пронически замѣтилъ чинушка.

Да, какъ же! держи карманъ! поѣдетъ къ нимъ генералъ—не нашелъ онъ лучше, вишь,

ничего! Только къ таковскимъ и ѣздить генераламъ!

— Такъ для чего же говорятъ они это?..

— А такъ вотъ— важности на себя напускаютъ; надо же вѣдь похвастаться! Да что, одно слово— дураки и свиньи! пойдете-ка лучше, батенька, въ кабинетъ, да возьмемъ по сигарочкѣ—благо порядочныя!

Прохоръ Константиновичъ не могъ еще сообразиться съ мыслями, какъ вдругъ—въ передней раздался сильный, порывистый звонокъ. Онъ выскочилъ на встрѣчу и... къ общему изумленію, столкнулся съ его пр-вомъ.

ГЛАВА ТРЕТья,

или свѣтозарный лучъ, отъ его пр-ва въ души исходящій, и грустныя послѣдствія веселаго вечера.

Ваше пр-во! ваше пр-во! захлебывался Прохоръ Константиновичъ, отъ радости переполнявшихъ его чувствъ. Чему обязаны мы такому неожиданному подарку съ вашей стороны?!... Такое вниманіе... Вы, ваше пр-во, можно сказать, ошастливили нашъ вечеръ своимъ посѣщеніемъ...

— Очень радъ! очень радъ! съ достоинствомъ старчески отчеканивалъ великодушный генералъ, проходя въ гостинную, и, по пути шествованія своего, надѣляя милостивыми кивками всѣхъ гостей, подымавшихся съ поклонами отъ своихъ мѣстъ и старавшихся по-пасться на глаза его пр-ву.

Наконецъ-то лице несчастнаго хозяина просіяло. Вмѣстѣ съ тѣмъ просіяла и супруга со чады и домочадцы. Просіяли и самые гости. Они уже совсѣмъ было перестали уважать Прохора Константиновича, но теперь снова восчувствовали къ нему уваженіе и даже симпатію нѣкотораго рода; всѣмъ сдѣлалось какъ-то свѣтлѣе, теплѣе и привольнѣе, всѣ восчувствовали умиліе какое-то — и все это, какъ нѣкій магъ и волшебникъ, внесъ со своимъ пріѣздомъ его пр-во. Его пр-во, такъ сказать — пролилъ въ сердца и души живой и свѣтозарный лучъ, изъ него исходящій. Надо сознаться, что такая чудодѣйственная сила дана у насъ токмо титулованнымъ персонамъ.

Итакъ, всѣ оживились. Одни только амурь распушенные, однѣ только дочери хозяйскія пребывали въ злобѣ, по причинѣ анге Коробникова, который теперь въ ихъ глазахъ пересталъ уже быть анге, а получилъ жестокое названіе «измѣнника». Причиною всего этого была все та же самая заноза и шпилька

Дарья Михайловна. Разодѣтая, блестящая, раскрашенная и подрисованная, она—при вечернемъ освѣщеніи — производила эффектъ необычайный и по всѣмъ правамъ могла считаться царицею вечера. Адъютантъ ея Южкинъ и анге Коробниковъ не отходили отъ нея все время, и коварная женщина успѣла обольстить и побѣдить нестойкое сердце сего послѣдняго, чѣмъ была необыкновенно довольна, ибо ясно видѣла злобу и зависть четырехъ молодыхъ и свѣжихъ сестрицъ. Сестрицы, мечтавшія о томъ, какъ онѣ будутъ блистать, первенствовать и плѣнять всѣхъ собою—не первенствовали, не блистали и не только что никого не плѣнили, но даже и анге Коробникова утратили.

Разговоры вообще шли весьма вяло и даже сонно въ теченіе всего вечера—такъ что тихій ангелъ не однажды пролеталъ между гостями и, сквозь отверстія посредствомъ зѣвоты уста ихъ, заглядывалъ къ нимъ въ благородную полость рта; Марья Ивановна, каждый разъ, какъ только показывался этотъ

тихий ангелъ, начинала внутренно кипятиться и отъ того становилась еще болѣе натянутою и уже рѣшительно теряла всякую способность занимать своихъ милыхъ гостей. Немало также бѣсила ее и Дарья Михайловна, которая, кажется, нарочно съ тою цѣлью и пріѣхала сюда, чтобы бѣсить свою добрую знакомую Марью Ивановну. Она одна только тараторила и смѣялась цѣлый вечеръ безъ умолку, но все это производила совершенно отдѣльно отъ прочихъ: она съ двумя своими адъютантами удалилась въ особый уголокъ, составила себѣ тамъ свою собственную *société*, которой какъ будто ни до чего и дѣла нѣтъ, и изволила оттуда разсыпать свой смѣхъ и веселость, для остальныхъ совсѣмъ непонятные. Дарья Михайловна всегда старается изобразить изъ себя женщину эмансипированную, которой — «плевать, что о ней скажутъ» — и потому въ обществѣ постоянно держать себя подобнымъ образомъ.

— Можетъ быть, меня тамъ, мерзкая, судачить да обсмѣиваетъ! думаетъ себѣ вскипаченная Марья Ивановна.

— Увы, можетъ быть!.. со вздохомъ отвѣ-
титъ ей безпристрастный бытописатель вече-
ровъ петербургскихъ.

И точно, Марьѣ Ивановнѣ съ ея супру-
гомъ и четырьмя амурами, и всему ихъ дому
и всѣмъ гостямъ ихъ жутко достается отъ
язычка Дарьи Михайловны, — она всѣхъ ихъ,
что называется, по косточкамъ перебираетъ,
не забывая при этомъ пылко стрѣлять гла-
зами на своихъ обожателей и принимать гра-
ціозно-кокетливо-элегантныя позы.

Напрасно Марья Ивановна заставляла Ка-
тю играть на фортепіано, Сашу пѣть, Лизу
декламировать, а Машу вести «умные разгово-
ры», чтобы заставить ихъ первенствовать въ
обществѣ — все напрасно! Все выходило натя-
нуто и некстати — все доставляло только тор-
жество Дарьѣ Михайловнѣ, которая рѣши-
тельно взяла пальму первенства въ гостин-
ной Марьи Ивановны.

Ея стрѣлянiя глазами и граціозно-кокетли-
во-элегантныя позы не ускользнули отъ взгля-
да его пр-ва, взгляда хотя и старческаго,

но внимательнаго и зоркаго. Его пр-во былъ тоже любитель ...

Прохоръ Константиновичъ вертѣлся передъ нимъ, какъ бѣсъ передъ заутреней. Онъ предложилъ ему партію въ преферансъ, но его пр-во отказался и даже каламбуръ изобразилъ при этомъ:

— Въ преферансъ?... Нѣтъ, я преферансу не отдаю преферансу... хе, хе, хе!...

— Ха, ха, ха! го, го, го! хи, хи, хи! подобострастно разразились гости. Какъ это тонко сказано—преферансъ и преферансу!... и преферансу! Какой шутникъ право, какой прекрасный бонмотистъ его пр-во!

— Я вѣдь только такъ... мимо ѣхалъ отъ Николы Морскаго—тутъ, у одной знакомой неподалеку былъ. Его пр-во сказалъ это такимъ тономъ, что очевидно заставилъ предположить въ себѣ нѣкоторыя ловеласовскія наклонности и покосился при этомъ на Дарью Михайловну.

— Ёду, этта, мимо и вижу освѣщеніе—продолжалъ его пр-во—ну, и вспомнилъ, что

васъ, кажется, четверги, или понедѣльники. Вѣрно, думаю, понедѣльники, потому освѣщено; дай, думаю, заѣду! Отчего не заѣхать на минуту?—Ну и заѣхалъ...

— Осчастливили, ваше пр-во! истинно осчастливили! можно сказать, праздникъ душевный, именины сердца доставили! кланялся ему между тѣмъ хозяинъ.

— Ну, да! ну, да!... шамкалъ и жевалъ его пр-во, такъ вотъ я и заѣхалъ... Отъ Николы Морскаго, у знакомой одной тутъ.. А въ преферансъ я не желаю... Я не валетамъ и тузамъ, а только дамамъ преферансъ отдаю хе, хе, хе!...

— Ха, ха, ха! хи, хи, хи! го, го, го!... снова подхватили гости, обрадовавшись чистымъ сердцемъ второму каламбуру его пр-ва. У его пр-ва талантъ, чистый талантъ!... Какая тонкость! какой умъ! Прямо хоть бери да записывай—и въ *Искру*! Напечатаютъ, съ радостью напечатаютъ! жужжать между собою умиленные гости.

Прохоръ Константиновичъ несетъ генера-

лу сигару, и генераль закуриваетъ ее въ гостинной, гдѣ до него никому курить не разрѣшалось да и теперь-то дозволяется только ему одному, какъ особѣ свойства почтеннаго, ума солиднаго и ранга возвышеннаго.

Его пр-во «мышиннымъ жеребчикомъ» подсаживается къ Дарьѣ Михайловнѣ. Дарья Михайловна рассыпается передъ его пр-вомъ и пускаетъ въ ходъ всю свою любезность и всѣ чарованія, коими за мигъ передъ симъ дѣйствовала на Южкина и анге Коробникова, нынѣ оставленныхъ и позабытыхъ ею. Да впрочемъ, адъютанты—по врожденному имъ чувству почтительности—и сами почувствовали, что они лишніе и благоразумно ретировались къ четыремъ распушеннымъ амурамъ; но амуры, находившіеся весь вечеръ въ злобственномъ расположеніи духа, съ сухостію отвергли двухъ молодыхъ соискателей. Они уже рѣшили не измѣнять взятому направленію и честно дозлиться до конца вечера.

А Марья Ивановна кипитъ еще болѣе

чѣмъ прежде, да и какъ же не кипятиться-то: его пр-во на нее, на хозяйку, почти и вниманія не обратилъ никакого, на дочерей ея точно также, а съ первыхъ же словъ, словно Южкинъ или Коробниковъ какой нибудь, подсѣлъ къ Дарьѣ Михайловнѣ и рассыпается передъ нею, званію и рангу да и лѣтамъ своимъ вовсе несоотвѣтственно. А Дарья Михайловна вполнѣ торжествуетъ: она чувствуетъ свое могущество и понимаетъ, сколь много успѣла въ одинъ этотъ вечеръ досадить и насолить добрѣйшей и милѣйшей своей знакомой Марьѣ Ивановнѣ.

Марья Ивановна истомилась, изстрадалась, измучилась въ этотъ проклятый вечеръ, и потому торопитъ лакея накрывать столъ для ужина—«авось поскорѣе разѣдутся, черти!» думаетъ про себя гостепріимная дама.

И вотъ, ужинъ накрытъ и поданъ. Прохоръ Константиновичъ повелъ мужскую половину милыхъ гостей своихъ къ водкамъ и закускамъ.

Иванъ Григорьевичъ, званный на перекуску и выпивку, восчувствовалъ, что теперь

насталъ *его* часъ и пріспѣла пора *ему* дѣйствовать. Съ пріѣзда его пр-ва, Иванъ Григорьевичъ сдѣлался вдругъ ласковѣе съ хозяиномъ, но сей послѣдній не забылъ рѣчей своего вѣроломнаго пріятеля, подслушанныхъ имъ въ гостинной, и потому съ Иваномъ Григорьевичемъ вдругъ сталъ необыкновенно сухъ и холоденъ, а на мизернаго чинушку не обращалъ ровно никакого вниманія и давилъ его своимъ презрѣніемъ. Иванъ Григорьевичъ, не чувствуя за собою никакой вины, рѣшительно становился въ тупикъ отъ внезапной переменѣ къ нему чувствъ всегда гостепріимнаго и благодушнаго хозяина. Это его достаточнымъ образомъ озлило, такъ что онъ хотѣлъ даже удалиться, но размыслилъ, что безъ ужина и выпивки удалиться не слѣдуетъ—потому, иначе, зачѣмъ-же было и вечеръ даромъ терять? Изливая на самомъ себѣ всю горечь злобы своей, Иванъ Григорьевичъ угрюмо, съ косымъ подходцемъ, подступилъ къ водкамъ, и, въ придачу къ горечи своей злобы, влилъ въ себя еще горечи ан-

гліійской, померанцовой, полынной березовой и иныхъ, въ количествѣ солидномъ—всего до осьми большихъ рюмокъ, такъ что, сядясь за ужинъ, достаточно уже отяжелѣлъ.

Генералу было приуготовлено мѣсто подлѣ хозяйки, но выигравшійся генераль предпочелъ сѣсть на другое—подлѣ Дарьи Михайловны. А въ этомъ мѣстѣ, какъ нарочно, стояли плохія вина, которыя его пр-ву ни въ какомъ случаѣ пить неподобаетъ. Прохоръ Константиновичъ вдругъ очутился еще въ новомъ и весьма затруднительномъ положеніи:—какъ быть на счетъ винъ-то? окинулъ онъ глазами столъ—и видитъ, что къ хорошимъ, дорогимъ бутылкамъ, какъ-разъ, подсѣлъ чуткій на это дѣло Иванъ Григорьевичъ. Это наглое обстоятельство вскипятило наконецъ и Прохора Константиновича. Недолго думая, онъ взялъ да и переставилъ бутылки въ мѣста, имъ соотвѣтственные.

Иванъ Григорьевичъ замѣтилъ это и сталъ размышлять о поступкѣ хозяина, уткнувъ неподвижные глаза свои въ тарелку.

— А! такъ ты такъ-то, гусь! размышлялъ онъ внутренно. Зовешь пріятелей на выпивку, да помоями ихъ подчуешь... Это — это оскорбленіе чести! этого простить нельзя! что я, хуже что ли какого нибудь генерала? А вотъ постой-же, я тебѣ докажу, какъ я хуже!

И Иванъ Григорьевичъ торжественно поднялся съ своего мѣста. Жевавшіе и жамкавшіе гости съ удивленіемъ обратили взоры свои на Ивана Григорьевича и ждали, что это такое еще готовится? какой сюрпризъ неожиданный имъ еще предстоитъ въ этотъ вечеръ?

— Господа! я прошу слова, началъ Иванъ Григорьевичъ, солидно сгибая спину и обводя изподлобья глазами все собраніе. Ваше пр-во, позвольте мнѣ сказать спичъ!

— Сдѣлайте одолженіе, сдѣлайте одолженіе, я очень люблю спичи! благодушно разрѣшилъ растаявшій генералъ, ожидая вѣроятно, что этотъ господинъ въ рѣчи своей пріятно пощекочетъ и его превосходительное самолюбіе.

— Прежде всего—позвольте мнѣ, ваше пр-во, побезпокоить васъ своею просьбою!

— Сдѣлайте одолженіе, очень радъ... я— все, что могу... любезно поддерживалъ генераль оратора.

— Ну, такъ налейте мнѣ лафиту изъ этой бутылки, что стоитъ передъ вами—вотъ моя просьба!

И Иванъ Григорьевичъ протянулъ къ генералу свой стаканъ. Генераль очень любезно налилъ.

— Балдарю, генераль, балдарю! сказалъ Иванъ Григорьевичъ, вдругъ измѣнивъ тонъ свой, отчего его пр-во нѣсколько оскорбился, особенно за слово «генераль» вмѣсто «ваше пр-во.»

— А теперь слушайте. Господа! началъ торжественно ораторъ. Какъ вы назовете того человѣка, который зоветъ васъ въ гости и унижаетъ одного гостя передъ другимъ? По моему—всѣ гости равны и всѣ должны пить хорошее вино. А братъ и перемѣнять бутылки на столъ—ставить дорогое вино къ ге-

нералу, а плохое остальнымъ гостямъ, это, по моему—свинство, и человѣкъ, такъ поступающій—свинья! Мнѣ что за дѣло, что онъ генералъ? продолжалъ Иванъ Григорьевичъ, тыкая указательнымъ перстомъ на его пр-во. Мнѣ до него нѣтъ никакого дѣла. А на угощеніе ваше я—плевать! Вотъ оно вамъ—ваше угощеніе! заключилъ Иванъ Григорьевичъ, опрокинувъ на столъ стаканъ съ лафитомъ, отчего сильно пострадала хозяйская скатерть и платьяблизь-сидящихъ гостей. Нѣсколько брызговъ попало даже въ фізіономію его пр-ва.

Генералъ сильно оскорбился и тотчасъ же, недокончивъ трапезы, всталъ, обтираясь платкомъ, изъ за стола. Оскорбленные и удивленные гости тоже поднялись съ своихъ мѣстъ. Иванъ Григорьевичъ, совершивъ сей геройскій поступокъ, грозно и, геройски же опустился на свое мѣсто, снова уткнувъ изподлобья неподвижные, стеклянные глаза въ свою тарелку.

— Благодарю васъ... благодарю! отнесся раздраженный генералъ къ хозяину дома. Я

не надѣялся... встрѣтить здѣсь... такое оскорбленіе... благодарю! И онъ, взявъ свою шапку, направился къ выходу.

— Ваше пр-во! ваше пр-во!! пощадите! его сейчасъ же выведутъ! вопилъ хозяинъ, стараясь удержать генерала; но сей остался непреклоненъ и твердъ въ своемъ рѣшеніи.

— Вонъ! вонъ изъ моего дома, оскорбитель Людей сюда! вывести его! разразился яростный Прохоръ Константиновичъ, относясь къ Ивану Григорьевичу. Явились лакей и кучеръ, и оскорбителя вывели изъ залы и свели съ лѣстницы, съ немалымъ однако сопротивленіемъ и крикомъ съ его стороны. Забывшійся Иванъ Григорьевичъ, въ борьбѣ своей, неоднократно даже оскорбилъ нѣжный слухъ дамъ и дѣвицъ благовоспитанныхъ. Гости, не солоно похлебавши, спѣшили послѣдовать примѣру благоразумнаго генерала и удалялись, порицая Прохора же Константиновича и все его милое, гостепріимное семейство.

По удаленіи всѣхъ, между Прохоромъ Кон-

стантиновичемъ, Марьей Ивановной, Машей, Лизой, Катей и Сашей, которыя всѣ были истерзаны и истомлены морально и физически, поднялась новая семейная трагедія, съ криками, воплями, рыданіями, пенями, бранью, которая и завершилась всеобщею неукротимо-яростной баталіей.

Но это уже составляетъ ихъ семейную тайну, на которую бытописатель петербургскихъ вечеровъ набрасываетъ завѣсу скромности и молчанія.

II.

RADIX JALAPPAE

(современно сантиментальное приключеніе).

Rp. Radicis jalappae scrup. unum

D. t. doses № duo.

Sig. Cap. unica vice pul. unum.

Dr. Dulcamara Purgatorius.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

имѣющая предметомъ своимъ разсужденіе о томъ, каковы бываютъ неисповѣдимыя судьбы провидѣнія, устрояющаго земныя обстоятельства такъ, что два любящіяся сердца не могутъ найти своей Аркадіи, и кромѣ того повѣствуемая объ окружающихъ оныя сердца зміяхъ и скорпіяхъ, родственникахъ и покровителяхъ и о прочемъ.

Kennst du das Land, о, мой возвышенный сердцемъ читатель! но не ту благословенную Land, wo die Citronen bluehen, а ту Lan!, куда эти Citronen, по слѣд долгого плаванія

привозятся, раскуцориваются и доставляются въ милотины лавки, — то есть Васильевскій островъ? Если ты петербуржецъ, то разумѣется знаешь, если же иногородный житель, то конечно слыхаль о Васильевскомъ славномъ островѣ; слѣдовательно, территория подлежащаго тебѣ приключенія болѣе или менѣе извѣстна.

Теперь слѣдуетъ самое дѣло:

Амалія любитъ Карла, Карлъ любитъ Амалію.

Любовь ихъ столь велика, чиста и возвышенна, что благородный другъ Карла, Herr провизоръ Гутнахтъ, которому онъ открываетъ завѣтныя тайны своего любящаго сердца, называетъ ихъ Hermann und Dorothea.

Амалія свѣжа и прекрасна, какъ бутонъ весенней, только-что распускающейся розы Рейна; Карлъ соченъ и свѣжъ, какъ благоуханный гроздь далекаго, но роднаго Johannisberg'a.

Но увы!.. въ то время, когда премудрый Зевесъ, воскликнувъ: «Nehmt euch die Welt!»,

раздѣлилъ міръ всѣмъ смертнымъ, что было вѣроятно послѣ того, какъ въ олимпійскомъ казначействѣ его состояніе финансовъ оказалось весьма неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе расточительнаго подарка прекрасной Данаѣ, или когда одна изъ пріятныхъ ему нимфъ вздумала понадуть античнаго Ловеласа, — не отказалъ онъ на долю влюбленнымъ и любви никакихъ благъ покоя и мирнаго блаженства, а, словно-бы отмщеніе за свои собственные неудачи, предназначилъ ей ранѣе какого-либо сноснаго исхода, томиться среди терній, волчца и горчицы. Вслѣдствіе такого недобросовѣстнаго распоряженія со стороны Зевеса, и наши буколическіе герои испытали много горестей и неудачъ прежде счастливой развязки, столь нѣжно связующей ихъ розовыми ленточками любви.

Карлъ былъ бѣденъ, но честенъ, — Амалія была прекрасна, но богата. Въ то благословенное время, когда еще въ аккуратной молодости своей почтенный родитель прекрасной Амаліи, Адамъ Адамычъ Штокфишъ, толь-

ко-что начиналъ свою коммерцію, родитель Карла, Іоганъ Вольфгангъ фонъ-Шманкухенъ, состоялъ у него въ солидномъ званіи конторщика и распорядителя, каковымъ и пребылъ до окончанія своихъ мирныхъ, аккуратныхъ и чистоплотныхъ дней. Іоганъ Вольфгангъ нисколько не смущался своей рыцарскою частицею «фонъ», былъ чуждъ сословныхъ отличій и считалъ себя добрымъ и честнымъ филистеромъ, что завѣщалъ и любезному сыну своему Карлу — единственной отрасли его почтенной и золотушной фамиліи. Но скромному и цѣломудренному Карлу не удалось занять мѣсто родителя у его патрона, ибо желѣзно-сердья Парки пресѣкли нить достопочтенныхъ дней Іогана Вольфганга въ то еще время, когда четырнадцатилѣтній Карлъ бѣгалъ въ кургузенькой курточкѣ, съ сумкой черезъ плечо, въ добродѣтельную Petri-Schule и твердилъ велемудрые примѣры и правила германскаго синтаксиса. По истеченіи же срока его учебныхъ занятій, когда Карлу минуло девятнадцать лѣтъ, у

патрона не нашлось ни одной свободной вакансіи; но онъ, помня старинныя заслуги и достоинства своего покойнаго конторщика, постарался опредѣлить Карла на контору къ одному своему собрату по коммерціи, гдѣ нашъ юный герой, преисполненный чувства сыновней признательности къ Адаму Адамычу Штокфишъ, продолжалъ и по настоящее время теченіе своего честнаго и добродѣтельнаго служенія.

Ахъ, промелькнули для Карла тѣ золотыя годы, когда они, вмѣстѣ съ маленькой Амальхенъ, подобно невиннымъ саксонскимъ барашкамъ, рѣзвились въ отмѣнно-прибранномъ садикѣ ея родителя, и когда этотъ самый родитель, подобно мирному, трудолюбивому и добродѣтельному волю, услаждая досугъ свой зрѣлищемъ ихъ невинныхъ игръ, именовалъ сію юную чету «маленькими супругомъ и супругой», причемъ иногда стиралъ набѣгавшую на его рѣсницы слезу безкорыстнаго, буколическаго удовольствія! Ахъ, промелькнули для Карла тѣ годы, когда за

сѣмейнымъ фриштикомъ или обѣдомъ ихъ сажали вмѣстѣ, другъ подлѣ друга, и подвязывали имъ у самага подбородка чистыя салфетки, дабы они не марали мильхъ-супомъ или соусомъ одежды!...

Теперь уже Карлъ, посѣщая иногда своего патрона, почтительно сидитъ поодаль отъ прекрасной подруги своего прекраснаго дѣтства, не подвязываетъ себѣ салфетки, а только затыкаетъ ее за вторую петлю своего фрака и не рѣзвится уже болѣе съ Амальхенъ, подобно барашку, а только скромно танцуетъ съ ней иногда вальсъ или контрдансъ, подобно важному журавлю, какъ того требуетъ приличіе, хотя наружность Карла и не походить на журавлиную...

Да, промелькнули для Карла золотые годы его дѣтства, и теперь онъ въ гостинной Адама Адамыча по воскреснымъ, праздничнымъ и торжественнымъ днямъ уже ни что иное, какъ покровительствуемый бѣдный молодой человѣкъ, котораго сажаютъ на кончикъ обѣденнаго стола, котораго (о прискорбіе!) обно-

сять иногда вкуснымъ, но ужъ черезъ-чуръ аккуратно, въ обрѣзъ приготовленнымъ блюдомъ, которому даютъ разныя мелкія порученія, какія почему-нибудь неудобно или неловко дать лакею, котораго сажаютъ играть въ карты, когда недостаетъ четвертаго партнера, и котораго, наконецъ, заставляютъ танцовать, если кому-нибудь не хватаетъ визави или кавалера. Но Карлъ не ропщетъ. Карлъ чувствуетъ, что онъ бѣдный молодой человекъ, чувствуетъ, что онъ имѣетъ удовольствіе присутствовать въ домѣ своего патрона и слѣдовательно долженъ быть доволенъ и счастливъ. А пламенное сердце Карла знаетъ наконецъ и то, что здѣсь, въ этомъ домѣ, находится его предметъ, — а чего-чего не можетъ вытерпѣть и вынести смертный для своего предмета!

Да, Карлъ былъ бѣдный, но честный молодой нѣмецъ, пользовался уже изображеннымъ выше соціальнымъ положеніемъ въ домѣ Адама Адамыча Штокфишъ; но тѣмъ не менѣе, между нимъ и прекрасной Амаліей

была любовь. Онъ допустилъ созрѣть въ своей почтительной груди этому высокому чувству, и не раскаявался, ибо Амалія, съ своей стороны, была ему предана до глубины дѣвственной нѣмецкой души. — Они понимали другъ друга и питали сладостныя надежды.

Однажды Карлъ танцевалъ съ Амаліей контрдансъ.

Карлъ стоялъ, приложивъ свою правую руку къ своему лѣвому боку, не тамъ, гдѣ лежалъ его тощій бумажникъ, но тамъ, гдѣ лежало его переполненное пламенемъ сердце:— Амалія сидѣла подлѣ него, скромно спустя свои глазки.

Долго молчала Амалія, долго молчалъ и глядѣлъ на нее Карлъ, и наконецъ, вздохнувъ отъ глубины души, золотушно произнесъ:

— Ахъ!

Амалія тоже вздохнула отъ глубины души и тоже произнесла:

— Ach!

— О чемъ вы вздохнули, прелестная Амалія? спросилъ ее Карлъ.

— Нѣтъ, я не вздохнула, милый мой Карлъ! отвѣтствовала Амалія, но я слышала, какъ вы, напротивъ того, вздохнули... О чемъ вы вздохнули, любезный мой Карлъ!

— Я вздохнулъ о томъ, о чемъ и вы-же вздохнули, прекрасная Амалія.

— А я о чемъ вздохнула? спросила, вся вспыхнувъ, Амалія.

— Вы вздохнули о томъ, что я васъ люблю! отвѣтствовалъ, весь вспыхнувъ, Карлъ.

— И я васъ люблю, мой милый Карлъ! прошептала Амалія, и румянецъ ея при этомъ уиодобился уже не рейнской розѣ, но роскошному кигайскому піону. Вамъ начинать эту фигуру, добавила она, вставая съ своего стула.

И Карлъ, счастливый Карлъ началъ эту фигуру, весело тронувшись съ своего мѣста.

— Амалія! вы будете моею супругою? спросилъ Карлъ послѣ кадрили, прогуливаясь вмѣстѣ съ нею по залѣ.

— Да, я буду вашею супругою, милый мой Карлъ, и вы будете моимъ супругомъ, отвѣчала она.

— У насъ будутъ прекрасныя дѣти, милая Амалія! проговорилъ, какъ-бы въ скобкахъ, взволнованный Карлъ.

— Да, будутъ... но не надо говорить объ этомъ, добрый мой Карлъ, замѣтила она, снова уподобляясь великолѣпному китайскому піону.

— Отчего же не надо, прекрасная моя Амалія? возразилъ улыбающійся Карлъ.

— Это не скромно... прошептала еще болѣе краснѣющая Амалія.

— Отчего же не скромно? настаивалъ между тѣмъ Карлъ; напротивъ, это очень скромно и я ничѣмъ не оскорбляю вашу стыдливость.... Да, Амалія! у насъ будутъ прекрасныя дѣти! И когда вы подарите меня дочерью, я назову ее въ честь вашу—Амаліей...

— Ach!

— О, не смущайтесь моими рѣчами, прекрасная Амалія, не смущайтесь!—онѣ очень скромны!... А вы, если я вмѣсто дочери подарю васъ сыномъ, вы какъ тогда назовете его?

— Карломъ... прошептала едва слышно Амалія, въ третій разъ принимая цвѣтъ великолѣпнаго піона.

— Нѣтъ, мы назовемъ его Адамомъ, отвѣтствовалъ довольный собою Карлъ.

Но вдругъ ясное дотолѣ чело его подернулось пасмурнымъ облакомъ задумчивости и печали.

— Но если ваши родители воспротивятся нашему счастью? мрачно спросилъ онъ, еще того мрачнѣе скрещивая на груди своей руки.

Въ отвѣтъ на это воспослѣдовало самое томное и сантиментальное:

— Ach!

— Вы вздыхаете, моя прекрасная Амалія... о, вы вздыхаете! значить, вы не надѣетесь на мягкосердіе вашихъ добрыхъ родителей?

— Ach!... да, не надѣюсь....

— Увы!... Гдѣ наше счастье!... Ужели зоря его угасаетъ?...

— Ach!... нѣтъ, нѣтъ! Она не можетъ угаснуть! ..

— Отчего же не можетъ?... Развѣ вы столько меня любите, что воспослѣдуете за мною?...

— Да, милый мой Карлъ, я васъ люблю и воспослѣдую за вами хоть на край свѣта...

— Хоть на край свѣта?... О, моя небесная Амалія! Тогда мы, подобно Лолоттѣ и Фанфану, будемъ обитать въ одинокой пустынѣ, среди зелено-кудряваго лѣса, на берегу журчащаго ручейка, въ маленькой уютной хижинѣ и будемъ питаться плодами и кореньями.... Неправдали, это будетъ прекрасно, моя милая Амалія? спросилъ Карлъ, на глазахъ котораго блистали слезы золотушнаго удовольствія.

— Да, это будетъ прекрасно! подтвердила съ восторгомъ Амалія, мы будемъ срывать цвѣты удовольствія, и птички, воздавая хвалу Создателю, станутъ улаживать насъ своимъ пріятнымъ пѣніемъ!—Это будетъ прекрасно, милый мой Карлъ!

— О, конечно, прекрасно!... и вы клянетесь исполнить все это?

— Да, я клянусь! съ рѣшимостію выговорила Амалія.

— Дадимъ же обѣтъ умереть другъ для друга, предложилъ взволнованный Карль. Вы знаете, что недавно еще два пламенные сердца изъ почтенныхъ нѣмецкихъ семействъ окончили смертью свою любовь... ихъ нашли за Лѣснымъ институтомъ... Они застрѣлились... Тамъ теперь и могилы ихъ находятся... Ахъ, Амалія! это очень трогательная и романическая исторія!... Къ нимъ пріѣзжаетъ вся публика, знатныя дамы, и проливаютъ надъ ними слезы. Могилы ихъ постоянно украшаются свѣжими розовыми цвѣтами!... Вѣдь и наши могилы тоже могутъ украшаться прекрасными розами?!...

— Ach! это будетъ очень прекрасно... Я согласна, произнесла довольная Амалія.

— О, моя Амалія!...

— О, мой Карль!...

И такимъ образомъ сіи два юныя сердца окончательно воспылали хроническою любовью.

Придя домой, въ свою небольшую квар-

тирку, Карлъ бережно и аккуратно сложилъ свою фракную пару, оглядѣвъ предваритель-но, нѣтъ-ли на ней пятнышка или пылинки, и потомъ, возблагодаривъ Провидѣніе за та-кой счастливый день, предался отраднымъ и юношескимъ размышленіямъ о своей любви и о томъ, какъ все это необыкновенно объ-яснилось, пока отрадный и здоровый сонъ не смежилъ его счастливыя вѣжды.

На другой день, окончивъ въ урочный часъ свои служебныя занятія и подкрѣпивъ свои драгоцѣнныя силы обѣдомъ у кухмистерши Шарлотты Карловны, Карлъ отправился къ своему искреннему и преданному другу, Herrn провизору Гутнахту.

Herr провизоръ Гутнахтъ только что всталъ отъ своего послѣ-обѣденнаго отдыха и курилъ рижскую сигару.

— Добрый мой Густавъ, другъ ли ты мнѣ? вскричалъ Карлъ, простирая къ нему свои объятія.

— Да, я тебѣ другъ, милый мой Карлъ, и ты въ этомъ не можешь сомнѣваться! отвѣт-

ствовавъ Густавъ, заключа Карла въ свои пахучія объятія.

— И ты любишь меня?

— О, да!... я люблю тебя, добрый мой Карль!

— И я могу подѣлиться съ тобой моимъ счастьемъ?...

— О, я готовъ принять и раздѣлить его съ тобою!

— И такъ, узнай-же, любезный мой Густавъ: я счастливъ, ибо я любимъ! заключилъ Карль, принявъ торжественную позу маркиза Позы. Одна молодая и прекрасная особа вчера открыла мнѣ свои чувства и отдала на вѣки свое сердце!

— А ты открылъ и отдалъ? спросилъ во всемъ пунктуальный провизоръ.

— О, какъ-же! и я тоже открылъ и отдалъ на вѣки! мы оба отдали другъ другу наши сердца!

— И такъ, любите-же другъ друга и будьте счастливы! заключилъ Herr провизоръ, еще разъ сжимая Карла въ своихъ объятіяхъ.

— Густавъ! воскликнулъ снова восторженный Карлъ.

— Карлъ! отвѣтилъ на это восторженный Густавъ.

— Я хочу поплакать отъ избытка счастья... Другъ! можешь-ли ты раздѣлить со мною мои слезы?

— Можешь-ли ты сомнѣваться въ этомъ, милый мой Карлъ! О, да! я твой другъ и слѣдовательно долженъ раздѣлить съ тобою твои слезы.

И друзья точно раздѣлили переполнявшія ихъ слезы.

— Густавъ! воскликнулъ снова восторженный Карлъ.

— Карлъ! отвѣтствовалъ на это восторженный Густавъ.

— Можешь-ли ты раздѣлить со мною дружескую, добрую бутылку пива? спросилъ герой нашъ растроганнымъ голосомъ.

— О! съ моимъ большимъ удовольствіемъ! и могу отъ себя предложить тебѣ дружескую, добрую сигару—это хорошая рижская сигара!

— О, благодарю.... благодарю тебя, добрый мой Густавъ! я всегда былъ увѣренъ, что ты любишь меня! заключилъ Карлъ, съ чувствомъ пожимая неизмѣнно-дружескую руку Густава.

И друзья немедленно-же отправились *ins Gruene*, на Крестовскій островъ, гдѣ и потребовали себѣ двѣ бутылки холоднаго пива.

— Карлъ! воскликнулъ Негг провизоръ, напѣнивъ стаканы янтарнымъ нектаромъ кротовскаго издѣлія, какъ зовутъ по имени твою возлюбленную?

— Амалія! съ гордостью отвѣтствовалъ торжествующій Карлъ.

Негг провизоръ сталъ считать по пальцамъ:

— А, м, а, л, і, я—это составляетъ шесть буквъ, ты на каждую букву долженъ выпить по стакану въ честь твоей возлюбленной; итого шесть стакановъ.... Я буду пить вмѣстѣ съ тобою.... Человѣкъ! еще двѣ бутылки пива!

И друзья проглотили по шести стакановъ.

— Густавъ! воскликнулъ послѣ этого умиленный Карлъ, имя твоей возлюбленной?

— Каролина! съ гордостью отвѣтствовалъ торжествующій Густавъ.

Добрый Карлъ сталъ считать по пальцамъ: — К, а, р, о, л, и, н, а — итого восемь стакановъ! Пьемъ здоровье твоей милой Каролины! провозгласилъ онъ, подымая заздравное пиво. Человѣкъ! восемь бутылокъ пива!

Густавъ только со слезами пожалъ его руку, и когда этотъ обрядъ осушенія восьми стакановъ былъ исполненъ, обратился съ такимъ предложеніемъ къ Карлу:

— Милый мой Карлъ! эти заздравные тосты мы вкушали, такъ сказать, оффиціально: вкусимъ-же теперь неоффиціально наши заздравные тосты!

И онъ сталъ считать по пальцамъ:

— М, а, l, ch, e, n—итого семь буквъ!

Затѣмъ и Карлъ сталъ считать по пальцамъ:

— К, а, r, o, l, i, n, ch, e, n—итого десять стакановъ, милый мой Густавъ!

И друзья выпили уже неоффиціально, сперва по семи въ честь Амальхенъ, а потомъ

въ честь Каролинхенъ по десяти стакановъ баварскаго кроновскаго пива,—итого по тридцати одному стакану на друга, или въ совокупности шестьдесятъ два стакана. Это значить, что наши добрые и благородные друзья на нынѣшній разъ кутили. О, какъ мило, какъ идеально-нѣмецки кутили они!... Хотѣ-бы въ Гейдельбергѣ такъ кутить!

Между-тѣмъ, крылатый полетъ сѣдовласаго времени совершался обычнымъ чередомъ, а пламенная любовь все болѣе и болѣе зрѣла въ геснеровскихъ сердцахъ добраго Карла и прекрасной Амаліи.

Но ахъ!... Нѣтъ въ мірѣ болѣе Аркадіи! и сколь-бы ни тщились возвратить или создать ее снова на Васильевскомъ острову пылкія, нѣжныя сердца,—прекрасная Аркадія съ ея барашками не возвращается, а только въ прелестныхъ грезахъ дразнить своихъ искателей и вовсе не деликатно и не остроумно показываетъ имъ издали носъ, какъ та всему міру извѣстная виньетка на легкомысленной Kladderadatsch.

Однажды, въ одинъ изъ воскресныхъ дней, Карлъ явился по обыкновенію къ своему патрону, Адаму Адамычу Штокфишъ, для засвидѣтельствованія своего почтенія.

Здѣсь его встрѣтила блѣдная и нѣсколько встревоженная Амалія, и, послѣ обычныхъ привѣтствій, томно и сантиментально произнесла:

— Ach!

— О чемъ вы вздохнули, прелестная Амалія?

— Я о томъ вздохнула милый мой Карлъ, что скоро зоря нашего счастья должна закатиться.

— За чѣмъ-же ей закатываться?... Она, напротивъ того, не должна закатываться, замѣтилъ разсудительный Карлъ.

— Увы!... мои родители желаютъ, чтобы она закатилась!... Вчера я сидѣла съ моими родителями за фриштыкомъ, и мои родители сказали мнѣ, что я уже дѣвица взрослая и что они желали-бы видѣть меня замужемъ.. И мой папà при этомъ спросилъ меня: какъ

тебѣ, душенька, правится Конрадъ Ивановичъ фонъ-Шельменъ?

— Какъ, этотъ богатый старикъ? перебилъ пораженный Карлъ.

— Да, этотъ богатый старикъ, милый мой Карлъ!... Но я сказала, что онъ мнѣ не правится.... Тогда папà сказалъ, что Конрадъ Ивановичъ почтенный и достойный человекъ и что когда-нибудь онъ мнѣ понравится.... Тогда мамà остановила папà и сказала, что это не скромно и что не все можно такъ высказывать при молодыхъ дѣвицахъ.

— Амалія! Перебилъ ее взволнованный Карлъ. Амалія! жизнь или смерть? Я пойду къ твоему папа, завтра же въ десять часовъ приду къ нему и стану просить у него твоей руки. Но если онъ откажетъ, что тогда будетъ?..

— Что ты захочешь, то и должно быть — для меня твоя воля священна, прекрасный мой Карлъ! отвѣчала съ покорностію кротко-сердечная Амалія.

— Согласна-ли ты тогда умереть вмѣстѣ со мною? мрачно спросилъ ее Карлъ.

— Да, я умру вмѣстѣ съ тобою! утвердительно рѣшила прекрасная Амалія, отирая слезы горести со своихъ пушистыхъ рѣсницъ.

— Клянись мнѣ въ этомъ! настаивалъ героическій Карлъ.

— Клянусь! клянусь моею любовью! отвѣтствовала героическая Амалія.

— О, моя Амалія!...

— О, мой Карлъ!...

И вслѣдъ за этою клятвой злосчастные любовники отправились къ семейному фриштыку, за которымъ возсѣдалъ уже достопочтенный Адамъ Адамычъ Штокфишъ.

На другой день, трепещущій пламеннымъ сердцемъ своимъ Карлъ со тщаніемъ повязалъ на себя парадный бѣлый галстухъ, надѣлъ бѣлую пикейную жилетку, и, облекшись въ свою фрачную пару, отправился къ парикмахеру привести въ лоснящееся состояніе свой подбородокъ съ цвѣтущими розовыми щеками и завить свои бѣлокурые волосы. Окончивъ благополучно эту операцію, онъ направилъ шаги свои къ испытанному дру-

гу—Негг провизору Гутнахту, для того во-первыхъ, чтобы Негг провизоръ Гутнахтъ укрѣпилъ и ободрилъ его своими дружескими совѣтами и искреннимъ участіемъ передъ такимъ рѣшительнымъ, важнымъ шагомъ его жизни, какой предстоялъ ему черезъ полчаса (аккуратно черезъ полчаса!), а во-вторыхъ затѣмъ, чтобы для большей торжественности вспрыснуть свой фракъ французскими духами, всегда водившимися у Негг провизора.

Наконецъ, ровно въ десять часовъ, Карлъ вступилъ въ кабинетъ своего патрона, Адама Адамыча Штокфишъ.

Адамъ Адамычъ Штокфишъ указалъ молодому человѣку стулъ и спросилъ о причинѣ столь ранняго, неожиданнаго и экстраординарнаго посѣщенія.

Юный Карлъ собрался съ духомъ и началъ:

— Мой почтеннѣйшій и добрѣйшій Адамъ Адамычъ! Я бѣдный, но честный молодой человѣкъ и при томъ сынъ бѣдныхъ, но честныхъ и извѣстныхъ вамъ родителей. Вы

Адамъ Адамычъ, всегда были моимъ патрономъ и благодѣтелемъ, вы заступили мнѣ мѣсто моего добраго, покойнаго родителя. (При этомъ Карлъ прослезился). Сердце мое преисполнено къ вамъ сыновняго почтенія, преданности и благоговѣнія къ вашему уму и достоинствамъ.

— Ты похвальный молодой человѣкъ! одобрилъ его покровительственнымъ тономъ Адамъ Адамычъ.

— Адамъ Адамычъ! продолжалъ ободренный и растроганный герой нашъ:—о, Адамъ Адамычъ! я умѣю цѣнить и чувствовать ваши похвалы и одобренія! Вникните въ слова мои, почтеннѣйшій Адамъ Адамычъ: когда Богъ сотворилъ перваго вашего соименника, онъ сказалъ ему: «Адамъ!» и Адамъ отвѣтствовалъ: «я, Господи!» Тогда Богъ сказалъ ему: «Адамъ! неприлично быть тебѣ одному: я намѣреваюсь дать тебѣ прекрасную подругу Еву, съ которою ты будешь срывать цвѣты удовольствія.» Изъ этого примѣра видно, что неприлично быть человѣку одному и что каждый елѣкчовѣдолженъ жениться.

— Да, да!... это совершенно справедливо, глубокомысленно замѣтилъ Адамъ Адамычъ.

— Адамъ Адамычъ! воскликнулъ до глубины души своей растроганный Карлъ, я теперь въ томъ положеніи, когда неприлично быть человѣку одному и когда всякій чело-вѣкъ хочетъ жениться!

— Что-жь, это похвально, сынъ мой, и я не препятствую твоему доброму намѣренію, отвѣчалъ на это Адамъ Адамычъ, чрезвычайно довольный сознаніемъ того, что онъ такой умный, важный и почтенный чело-вѣкъ, къ которому даже обращаются за совѣтами и одобреніемъ въ столь экстраординарныхъ случаяхъ жизни, когда чело-вѣку неприлично быть одному.

— О, Адамъ Адамычъ! воскликнулъ совершенно ужъ обнадѣженный герой нашъ, о Адамъ Адамычъ! Вы сейчасъ только-что назвали меня своимъ сыномъ — повторите-же это еще разъ, назовите Карла въ дѣйстви-тельности вашимъ сыномъ, ибо Карлъ любитъ Амалію и Амалія любитъ Карла!

Адамъ Адамычъ величественно поднялся съ своего мѣста и изъ гортани его вырвалось трагическое:

— Ка-а-акъ!?

Но Карлъ не смутился: онъ тоже поднялся съ своего мѣста и, чувствуя въ себѣ присутствіе титанической силы духа, воскликнулъ:

— Да, Карлъ любитъ Амалію, — Амалія-же любитъ Карла!

— Вонъ, дерзкій! hegaus! возопилъ громоносный и зевсоподобный Адамъ Адамычъ. — и чтобы дерзновенная нога твоя отсель не оскверняла порога моего благороднаго дома! На это Карлъ, сдерживая справедливое свое негодованіе, съ достоинствомъ отвѣтствовалъ:

— Карлъ-Фридрихъ-Адольфъ фонъ-Шманкухенъ, сынъ благороднаго Іоганна-Вольфганга фонъ-Шманкухена, не можетъ осквернить ничьего благороднаго дома!

— Вонъ, дерзновенный! возопилъ Адамъ Адамычъ, дѣлая рѣшительное движеніе своимъ кулакомъ.

Тогда Карлъ-Фридрихъ - Адольфъ фонъ-Шманкухенъ, съ достоинствомъ взявъ свою шляпу, почтительно поклонился своему бывшему патрону, Адаму Адамычу Штокфшнъ, и гордо вышелъ изъ его кабинета.

За дверьми стояла прекрасная Амалія, которая слышала весь этотъ разговоръ.

— Вы помните свою клятву, Амалія? торжественно спросилъ ее Карлъ.

— Да, помню, отвѣтствовала трепещущая Амалія, но аch!..

— Приходите завтра ко мнѣ на квартиру, въ два часа — мы должны умереть, еще болѣе торжественно заключилъ Карлъ, живописно указуя рукою въ потолокъ, долженствующій при этомъ играть роль голубаго, прекраснаго неба.

И вслѣдъ за тѣмъ, почтительнѣйше откланявшись, онъ покинулъ домъ бывшаго своего патрона.

ГЛАВА ВТОРАЯ

и

ПОСЛѢДНЯЯ,

заключающая въ себѣ: правдивое описаніе свиданія Карла фонъ-Шманкухена съ Густавомъ Гутнахтомъ, послѣдовавшія за тѣмъ горестныя размышленія Негу провизора и его геніальную находку, обстоятельства, сопровождавшія приготовленія къ смерти двухъ любящихся сердець и нѣчто прочее съ приличнымъ нравоученіемъ.

Съ рѣшимостью и непреклоннымъ мужествомъ, сдѣлавшимъ-бы честь любому древнему римлянину и даже мудрому Сократу, вступилъ Карлъ фонъ-Шманкухенъ въ квартиру доблестнаго друга своего Густава Гутнахта.

Густавъ Гутнахтъ приготовился встрѣтить его сіяющимъ лицомъ и распростертыми объятіями, но Карлъ фонъ-Шманкухенъ ограничился только таинственно-торжественнымъ пожатіемъ руки, сѣлъ въ кресло и жестомъ пригласилъ сдѣлать то-же самое и Негг провизора.

Послѣ такого безмолвнаго и торжественнаго вступленія, воспослѣдовала еще болѣе торжественная пауза.

— Густавъ! другъ-ли ты мнѣ? спросилъ наконецъ Карлъ фонъ-Шманкухенъ, доводя уже до *пес plus ultra* свою таинственную торжественность.

— Да, я тебѣ другъ, милый мой Карлъ, и ты не можешь въ этомъ сомнѣваться! съ достоинствомъ отвѣтствовалъ Густавъ, протягивая ему руку.

— Густавъ! достаточно-ли ты любишь меня?

— О!.. послѣ милаго Бога, я прежде всего равно люблю милаго Карла и милую Каролину!.. Какъ для милой Каролины, такъ и

для милаго Карла я готовъ все дѣлать и
всѣмъ жертвовать!

— О, я никогда не сомнѣвался въ твоей
любви и искренности!.. И такъ, Густавъ, ты
самъ сказалъ сію минуту, что готовъ сдѣлать
для меня все; но сдѣлаешь ли то, о чемъ я
буду просить тебя?

— О!.. можешь-ли ты сомнѣваться! опять
началь было съ достоинствомъ Гутнахтъ.

— Дай мнѣ честное слово! недовѣрчиво
подхватилъ Карлъ.

— Даю тебѣ мое благородное, фармацев-
тическое слово честнаго нѣмца! воскликнулъ
торжественно Густавъ.

— Клянись-же мнѣ исполнить то, о чемъ
я намѣренъ просить тебя!

— Клянусь тебѣ исполнить все, о чемъ
ты намѣренъ просить меня, милый другъ мой
Карлъ, и что только будетъ въ моей и че-
ловѣческой возможности.

— И такъ, узнай-же, возлюбленный мой
Густавъ! трагически началъ Карлъ, съ сіяю-
щимъ лицомъ подымаясь съ своего кресла,

твой преданный Карлъ долженъ умереть!... Когда завтра ты отправишься кушать къ нашей доброй Шарлоттѣ Карловнѣ, твой преданный Карлъ долженъ уже будетъ разстаться съ этимъ прекраснымъ міромъ—его уже не будетъ больше на свѣтѣ, и могила его украсится вѣнками изъ прекрасныхъ свѣжихъ розъ... И такъ, мой другъ, вспомни свое обѣщаніе и дай мнѣ двѣ дозы яду—для меня и для моей небесной, прекрасной Амаліи: мы поклялись умереть вмѣстѣ!. Не изумляйся, не отговаривай меня и не печалься, мой Густавъ, но какъ истинный другъ, пожми мнѣ руку и скажи: «Карлъ! я одобряю твое прекрасное и благородное намѣреніе—умри же, Карлъ, съ мужествомъ и твердостью, какъ подобаетъ герою!...»

Но Herr провизоръ сидѣлъ, какъ окаменѣлый, и только глазами хлопалъ отъ изумленія.

— Вспомни-же, Густавъ, свою клятву! я завтра утромъ приду къ тебѣ за ядомъ, а теперь — прощай! заключилъ Карлъ и вышелъ изъ комнаты.

Густавъ долго еще сидѣлъ въ безмолвномъ и окаменѣломъ состояніи. Наконецъ онъ всталъ и, для проясненія мыслей и сознанія въ многоученой головѣ своей, закурилъ рижскую сигару—и только тогда началъ соображать всѣ обстоятельства, изъясненные ему Карломъ. «Карлъ долженъ умереть и его прекрасная Амалія тоже должна умереть»... размышлялъ онъ, рассуждая самъ лично со своею особой. «Да, Карлъ долженъ умереть и я долженъ предложить ему яду и сказать: «Карлъ»!... но нѣтъ, какъ-же это умереть Карлу?... Зачѣмъ-же умереть Карлу и покинуть друга своего Густава? Это невозможно!... Съ кѣмъ-же тогда этотъ бѣдный и покинутый другъ Густавъ будетъ проводить свои мирные досуги? Съ кѣмъ-же онъ будетъ удаляться ins Grцее и пить баварское пиво? Съ кѣмъ-же онъ будетъ рассуждать, такъ философски рассуждать о неисчерпаемой щедрости натуры и о безконечной благодати провидѣнія и удивляться безконечности и разнообразію прекраснаго мірозданія? Съ кѣмъ наконецъ

будетъ онъ глядѣть иногда на звѣздное ночное небо и читать Кернера и изумляться богатымъ, поэтическимъ красотамъ Клопштока? Нѣтъ, это невозможно! Карлъ не долженъ умирать!... Но ты, ты, безумецъ, ты близорукой слѣпецъ, ты другъ его Густавъ Гутнахтъ, какъ *ты* не провидѣлъ его горестнаго намѣренія, какъ *ты* допустилъ себя дать столь безумную и столь грѣшную клятву, которую ты долженъ исполнить!... Да, ты долженъ ее исполнить и взять на свою душу смерть твоего друга Карла и его прекрасной подруги! Ты долженъ отвѣтствовать за нихъ предъ своею совѣстью!... О, Густавъ, Густавъ!... бѣдный, злосчастный Густавъ!»

На другой день утромъ онъ поспѣшилъ поскорѣе уйдти изъ дому, потому-что добрая совѣсть его не допускала передать лично орудіе смерти своему другу, и онъ боялся, что взглядъ или голосъ измѣнятъ ему передъ Карломъ, а потому, отдавъ отраву въ двухъ порошкахъ хозяйкѣ своей квартиры съ просьбою передать ихъ Карлу, когда тотъ при-

детъ,—Негг провизоръ, опасаясь встрѣчи, чуть-что не бѣгомъ спустился съ лѣстницы.

Дѣйствительно, Карлъ не замедлилъ явиться и, узнавъ, что Негг провизора нѣтъ уже дома, весьма сожалѣлъ о томъ, что доблестный другъ его не можетъ пожать ему руки и сказать: «Карлъ! я одобряю твое прекрасное и благородное намѣреніе—умри-же, Карлъ, съ мужествомъ и твердостью, какъ подобаетъ герою!»

Къ двумъ часамъ пополудни небольшая квартира Карла фонъ-Шманкухена представляла самое праздничное и аккуратно-чисто-плотное зрѣлище: полъ былъ вымытъ и начисто вылощенъ воскомъ, пыль сметена и счищена со всевозможныхъ уголковъ и закоулковъ, стулья и кресла разставлены съ математической симметріей, постель завѣшана бѣлымъ, чисто вымытымъ пологомъ, и посреди комнаты красовался накрытый столъ съ различными вкусными яствами и бутылкой шампанскаго; на столѣ стояли только два прибора—это Карлъ приготавливалъ себѣ по-

слѣдній «пиръ смерти.» — Подъ салфеткой
каждаго прибора таинственно лежалъ ядъ въ
маленькомъ пакетѣ. Наконецъ, когда часы
пробили два, это прелестное жилище озари-
лось новымъ благоуханнымъ свѣтомъ: въ немъ
появилась прекрасная, какъ бутонъ рейнской
розы, Амалія.

— О, моя Амалія!

— О, мой Карлъ!

И возлюбленные заключили другъ друга
въ пламенные, но дѣвственные и непорочныя
объятія.

— Мы должны черезъ часъ умереть, Ама-
лія! произнесъ торжественно Карлъ. Вотъ
нашъ послѣдній пиръ смерти!

— О, да! должны! я знаю это, Карлъ!...
отвѣтила съ твердымъ убѣжденіемъ Амалія.

— Но не страшить-ли тебя это? готова-
ли ты къ смерти, Амалія?

— Ахъ!... я готова, милый мой Карлъ! я
приготовилась. — Взгляни на твою невѣсту:
на мнѣ надѣто бѣлое кисейное платье и на
поясѣ бѣлая лента, а на груди свѣжая бѣлая

роза—это будетъ символомъ моей невинности и непорочности! Пусть эта лента и роза говорятъ о нихъ и послѣ моей смерти... Вѣдь мы умремъ невинными, Карлъ?

— О!... можешь-ли ты въ этомъ сомнѣваться, моя небесная Амалія?... съ благороднымъ жестомъ отвѣтствовалъ ей Карлъ. Но время, время, моя прекрасная невеста! Я далъ слово моему милому другу Густаву, что когда онъ отправится кушать къ нашей доброй Шарлоттѣ Карловнѣ, насъ уже не будетъ на свѣтѣ.—Надобно честно и аккуратно исполнить это слово!

— Я готова, произнесла покорная Амалія. Тогда Карлъ заперъ на ключъ входную дверь своей квартиры, и ключъ этотъ торжественно выбросилъ за окно въ сосѣдній садъ, гдѣ онъ канулъ въ густѣйшей травѣ.

Послѣ этого обстоятельства, тотчасъ же было приступлено къ послѣднему пиру смерти. Герои что впрочемъ кушали мало, потому не хорошо кушать много передъ смертью и въ такую трагическую минуту. Но Карлъ и

Амалія любили фрукты и обожали свѣжую малину со сливками; желая казаться равнодушными къ смерти, они старались развлекаться посторонними разговорами, при чемъ Амалія рассказывала, какъ она отпросилась у родителей до часу по полудни къ пастору, и какъ они ее отпустили, и какъ она вмѣсто пастора пришла къ своему милому Карлу. Разсуждая такимъ образомъ, они кушали любимые свои фрукты и незамѣтно опустошили по глубокой тарелкѣ малины со свѣжими густыми сливками: это вѣдь не пища, а только невинное лакомство.

Наконецъ Карлъ торжественно откупорилъ бутылку шампанскаго и нацѣнилъ имъ два большіе бокала. Черезъ минуту, отрава была всыпана въ золотистую кристальную влагу, герои чокнулись, слились въ крѣпкое лобзаніе и потомъ разомъ осушили бокалы.

— Да здравствуетъ смерть! воскликнулъ восторженный Карлъ.

— Да здравствуетъ ядъ! отвѣтила восторженная Амалія.

— О, моя вѣрная подруга! произнесъ умиленный духомъ и сердцемъ Карлъ: первый кубокъ былъ за нашу смерть, за наше непорочное, чистое соединеніе предъ милымъ богомъ и передъ милою будущностью, да будетъ-же нашъ второй кубокъ за добраго нашего друга Густава и всѣхъ друзей и недруговъ на нихъ, которыхъ мы прощаемъ и благословляемъ.

— Да будетъ! торжественно откликнулась Амалія.

И они выпили по второму большому бокалу.

— Теперь приготовимся къ смерти, начала Амалія: пусть она найдетъ насъ юными, прекрасными, улыбающимися, непорочными! Я распушу по плечамъ свои волосы, а ты, милый мой Карлъ, ходи за ширмы и переодѣнься въ твою фрачную пару, повяжи бѣлый галстухъ и надѣнь бѣлый жилетъ.—Тогда мы ляжемъ вмѣстѣ и умремъ, какъ дѣвственные женихъ и невѣста! Неправда-ли, это будетъ прекрасно, мой милый Карлъ?

— О, да! прекрасно, моя милая Амалія! я пойду тотчасъ-же переодѣнусь...

И Карлъ удалился за ширмы.

— Я готовъ, Амалія, отозвался онъ оттуда.

— И я готова, Карлъ, откликнулась она изъ комнаты.

— О, моя Амалія!

— О, мой Карлъ!

И тогда легли они вмѣстѣ, такіе прекрасные, такіе чистые, возвышенные и благоуханные, крѣпко обнялись другъ съ другомъ и съ твердостью рѣшились ждать прихода желанной смерти.

— О, моя прекрасная Амалія! началъ тогда растроганный Карлъ, я прихожу въ идеальный, поэтическій экстазъ, когда подумаю, что скоро наши души совокупятся вмѣстѣ, въ надъвѣдномъ, голубомъ эфирѣ, когда небесные ангелы прійдутъ и вознесутъ ихъ въ своихъ священныхъ сосудахъ... О, какъ намъ сладостно будетъ порхать тамъ, подобно рѣзвымъ мотылькамъ, въ хорахъ этихъ небожителей, и вдвоемъ носиться по свѣтлomu пространству голубаго эфира, между сверкающихъ звѣздъ, при сладкихъ звукахъ небес-

ной гармоніи! Неправда-ли, это будетъ прекрасно, моя нѣжная Амалія?

— Ахъ, да! это будетъ очень прекрасно, возлюбленный мой Карлъ!

— О, скажи мнѣ, предчувствуешь-ли ты тотъ небесный ѳиміамъ, который будетъ окружать насъ черезъ часъ?

— Да, милый мой Карлъ... какъ мы будемъ счастливы черезъ часъ!

О, да, черезъ одинъ только часъ, а можетъ еще и менѣе, моя прелестная подруга!

— О, мой Карлъ! ..

— О, моя Амалія!...

— Но скажи, ты еще не чувствуешь слѣдовъ отравы?

— Я? нѣтъ еще, пока никакихъ; а ты, моя Амалія?

— И я тоже пока никакихъ...

— Впрочемъ, я какъ-будто, кажется, чувствую немного... такъ, нѣсколько — въ желудкѣ...

— И я, милый Карлъ, какъ-будто тоже

чувствую... О, какое счастье! какое божественное счастье!

— На тебя дѣйствуетъ, Карлъ? нѣжно спросила Амалія.

— Да, дѣйствуетъ.

— О, какое счастье!...

— О, моя Амалія!...

— О, мой Карлъ!...

И опять на нѣсколько времени предались они своимъ возвышеннымъ грезамъ. Но чѣмъ далѣе бѣжало крылатое время, тѣмъ рѣчи ихъ становились перерывистѣе, несвязнѣе, лица блѣднѣли. Но Боже!.... Вотъ взволнованный Карлъ вскочилъ съ постели и какъ угорѣлый заметался по комнатѣ...

Ядъ начиналъ производить уже свое дѣйствіе.

Опрометью бросился онъ къ дверямъ— опрометью вскочила вслѣдъ за нимъ Амалія. Но увы!.. двери были заперты, а ключъ за окномъ, въ травѣ сосѣдняго сада!..

— Смерть! закричалъ отчаянный Карлъ.

— Смерть... я... умираю! повторила отчаянная Амалія.

Наступилъ страшный, трагическій и неожиданный моментъ..

Между тѣмъ, родители Амаліи, прождавъ любезную дочь свою до четвертаго часа, сильно перетревожились и послали къ пастору; но у добраго пастора конечно Амалія не оказалась. Тогда мелькнуло страшное, и увы! справедливое предположеніе въ достопочтенной головѣ Адама Адамыча, и онъ поспѣшно отправился къ Карлу! Приходитъ во дворъ и спрашиваетъ у дворника, не проходила-ли къ господину Шманкухену хорошо одѣтая особа? Оказывается, что проходила. Адамъ Адамычъ поднимается вверхъ по лѣстницѣ, стучится въ дверь—но дверь заперта. Онъ стучится шибче, стучить изо всей силы, но изнутри никто не откликается. Тогда Адамъ Адамычъ въ ужасѣ бросается за полиціей и, при благодѣтельномъ содѣйствіи сей блюстительницы градскаго спокойствія, дверь взломана и отворена...

Тогда изумленнымъ взорамъ сокрушеннаго Адама Адамыча представало страшное зрѣлище... Онъ увидѣлъ остатки балтазарова пиршества. Но Карла и Амаліи не было видно.

— Амалія, ты здѣсь? воскликнулъ въ горести печальный и пораженный родитель.

— Здѣсь, папа! жалобно отвѣтствовала изъ за ширмъ трепещущая Амалія.

— Выходи сюда, моя заблудшая дочь!

— Я не смѣю и не могу, папа!

— Отчего ты не смѣешь и не можешь?

— Мнѣ стыдно...

— А-а-а! тебѣ стыдно?... А Карль? Гдѣ ты, негодный Карль?

— Я здѣсь, Адамъ Адамычъ! жалобно отзывался трепещущій Карль.

— Выходи сюда, негодяй!

— Я не смѣю и не могу...

— Отчего ты не смѣешь и не можешь?

— Мнѣ стыдно...

— А-а-а! тебѣ стыдно?... возгласилъ Адамъ Адамычъ и отправился самъ за ширмы.

— О, мои заблудшія дѣти! говорилъ раз-

строенный Адамъ Адамычъ, выводя оттуда за руки Карла и Амалію, вы причинили мнѣ страшный позоръ на старости лѣтъ, вы осрамили мою честную нѣмецкую голову!... Но уже поздно! Я самъ виноватъ, я самъ первая причипа этому. Я вижу: вы невинны, но вы виновны.—Я васъ прощаю! Вы любите и любите другъ друга—будьте же счастливы!... Ставьте на колѣни—я призову на васъ свое родительское благословеніе.

И Амалія—скромная, стыдливая, цѣломудренная Амалія, съ осторожностію подбирая свое платье, опустилась передъ отцемъ на колѣни, подлѣ своего возлюбленнаго Карла..

Чрезъ педѣлю была ихъ торжественная свадьба.

Гости по-нѣмецки пили шампанское и по-русски кричали: «ура!»

Женихъ и невѣста были прекрасны.

Ибо—

Амалія любила Карла, — Карлъ любилъ Амалію.

И столь была велика, чиста, возвышенна и благоуханна любовь ихъ, что всѣ приписывали имъ нѣжный эпитетъ:

«Hermann und Dorothea».

Амалія была свѣжа и прекрасна, какъ бутонъ весенней, только-что распустившейся розы Рейна; — Карлъ былъ соченъ и свѣжъ, какъ благоуханный гроздь далекаго, но роднаго Johannisberg'a, котораго не мало было истреблено на этой счастливой и буколической свадьбѣ.

Но всѣхъ веселѣе и всѣхъ счастливѣе былъ безъ сомнѣнія главный виновникъ столь счастливой развязки сей пылкой любви, первый шаферъ Карла - Фридриха - Адольфа - фонъ - Шманкухена—Негг провизоръ Густавъ Гутнахтъ.

Когда всѣ бокалы были полны искрометнаго шампанскаго, а всѣ сердца искреннихъ пожеланій жениху и невѣстѣ, Негг провизоръ

торжественно поднялся съ своего мѣста и произнесъ со слезами на своихъ блиставшихъ счастіемъ глазахъ:

— Другъ мой Карлъ! Мой добрый и благородный другъ Карлъ! Живи, плодись и размножайся въ потомство и будь счастливъ со своею прекрасною подругой до конца своей жизни! Но помни, что первый твой другъ во всемъ мірѣ, въ сей и въ будущей жизни, это — бѣдный, но честный нѣмецъ, провизоръ Густавъ-Артуръ-Францискъ Гутнахтъ. Да, милый мой Карлъ! Я твой другъ и я твой спаситель! Я сказалъ себѣ: Карлъ не долженъ умирать и вскричалъ: *vivat, Herr pro- vizor!* Да, я не даромъ провизоръ! Меня озарила геніальная мысль—и я подумалъ тогда: вѣдь Карлъ не знаетъ свойства ядовъ, и кто запретитъ мнѣ дать ему то, что я вздумаю? никто! Дамъ я имъ двѣ дозы *Radicis Jalappaе*.—Да, *Radix Jalappaе* въ порошокъ, *dosis scrupulum unum*: это такъ геніально вѣрно! Это прослабить ихъ влюбленные порывы, Карлъ одумается и послѣ меня-же

поблагодарить за это и, кто знает, подумалъ я, быть-можетъ это приведетъ ихъ къ счастливымъ результатамъ! Такъ и случилось. Моя добрая совѣсть ни передъ кѣмъ не хочетъ скрывать этого! Пусть всѣ, пусть весь міръ узнаетъ о торжествѣ дружбы и запишетъ розовыми буквами наши имена на своихъ великихъ скрижаляхъ! Да, милый мой Карлъ! будь другой на этомъ провизорскомъ мѣстѣ, не Herr провизоръ Гутнахтъ, а, положимъ, хоть Herr провизоръ Гутморгенъ, то онъ, быть можетъ, ужъ давно пожелалъ бы тебѣ *гутнахтъ*! (При этомъ ораторъ живописно опустилъ руку свою сперва долу, а потомъ поднялъ ее къ небу). Но теперь, въ эту минуту, Herr провизоръ Гутнахтъ отъ души говоритъ тебѣ *гутморгенъ*! будемъ же довольны и счастливы, милые друзья мои! заключилъ онъ, подымая бокалъ свой надъ головою — и дружное русское «ура!» загремѣло въ отвѣтъ на этотъ дружескій нѣмецкій спичъ...

И всѣ были довольны и счастливы.

П Р А В О У Ч Е Н І Е

Смертный! не предавайся слишком пылкой и безразсудной любви, ибо она не всегда ведетъ къ такимъ счастливымъ послѣдствіямъ и результатамъ! Но вотъ тебѣ мудрое житейское правило: чисто и бережно носи свое платье, старайся всегда имѣть при себѣ другомъ человѣка, подобнаго Негг провизору Гутнахту, и для охлажденія своихъ влюбленныхъ порывовъ держи въ виду приведенный эпиграфомъ рецептъ *Radicis Jalappaе*, и будешь ты счастливъ и долголѣтенъ на землѣ! Въ крайнемъ же случаѣ обращай за мудрыми совѣтами къ опытному врачу, каковымъ можетъ всегда тебѣ быть

душевно преданный и постоянно готовый къ услугамъ твоимъ—докторъ медицины

Dulcamara-Purgatorius.

III.

РЫБАРИ-АМАТЕРЫ.

Петербургскіе дачники по преимуществу рыболовы. Ужь не говоримъ о тѣхъ изъ нихъ, кои обитаютъ близъ многоводныхъ береговъ Невы (эти-то ужь непременно удятъ!), но возьмемъ въ расчетъ дачника, не имѣющаго счастья обитать по вышеозначеннымъ берегамъ и предаваться услажденію себя флюсами, насморками, катаррами и тому подобными пріятствами. Мы возьмемъ дачника, совершенно изолированнаго отъ водной стихіи, гдѣ нибудь тамъ, за малой Охтой, углубившагося въ какую нибудь деревушку, отстоящую верстъ на семь отъ невскаго берега. Что-жь бы вы думали? что онъ не будетъ удить?—какъ бы не такъ!—будетъ, все не-

премѣнно будетъ, да еще благословить судьбу въ своемъ мирномъ, сельскомъ занятіи. Часто у него не хватаетъ самоотверженія идти пѣшкомъ за семь верстъ киселя хлеба, — въ такомъ случаѣ онъ тутъ же, по близости, произведетъ открытіе какой нибудь лужицы, какого нибудь заглохшаго, заброшеннаго, поганнаго прудка, въ квадратную сажень величиною, и важно усядется съ удочкой на брегѣ своего открытія.

— Что вы здѣсь творите, почтеннѣйшій? вопрошаетъ его мимоидущій.

— Какъ «что»? развѣ не видите — рыбу ужу! отвѣтствуетъ рыбарь съ оттѣнкомъ даже нѣкотораго сскорбленія на столь неумѣстный вопросъ.

— Да какая же здѣсь рыба? продолжаетъ вопрошать мимоидущій скептикъ.

— Всякая!... Вотъ — караси, наримѣръ, великолѣпные! похваляется рыбарь и самодовольно вытаскиваетъ лягушку.

— Это что же? карась? не отстаешь отъ него скептикъ.

— Нѣтъ, это лягушка, но это не въ счетъ! отвиливаетъ на сей разъ огорченный рыбарь, и увь! въ теченіе нѣсколькихъ часовъ крючекъ его неукоснительно вытаскиваетъ, и все не въ счетъ, однѣхъ только лягушекъ! Онъ вытаскиваетъ ихъ постоянно, и *только* ихъ, исключительно ихъ однѣхъ; а упорный и непреклонный рыбарь все таки аккуратно является каждый день — по нѣсколько часовъ просиживать надъ лужей и съ истинно любительскимъ замираніемъ сердца таскать изъ нея свою законную добычу.

Такова уже идиллическая натура петербургскаго дачника. А ужъ что касается до обитателей острововъ Петровскаго, Крестовскаго, до поселенцевъ, сосланныхъ на вольную каторгу въ топкія грязи Новой и Старой деревень, до чернорѣченскихъ пустынножителей — то да проститъ и разрѣшитъ имъ Господь Богъ ихъ исключительную рыбоманію, коей они предаются съ ожесточеніемъ, съ факирствомъ, даже до забвенія своихъ священныхъ семейныхъ обязанностей и долга

своей гражданской службы. Да, милостивые государи, эти закоренѣлые, ожесточенные рыбаки—все отцы семействъ, все граждане, все чиновники, изъ коихъ многіе суть весьма полезные столоначальники и даже еще паче полезные начальники отдѣленій. И вдругъ — вмѣсто присущаго имъ по долгу рвенія служебнаго, ихъ всецѣло поглощаетъ рвеніе рыболовное.

— Иванъ Ивановичъ! А, Иванъ Ивановичъ! Да что это такое? Просто ни на что не похоже! Стоитъ себѣ на мосту съ пяти часовъ утра и про должность забылъ! Ступай ты, бога ради, домой — въ департаментъ пора! кричитъ рыболову Марья Ивановна, его законная и притомъ тучнѣющая половина, съ неудовольствіемъ приближаясь къ своему рыбовѣрному.

— Клюетъ, клюетъ! кажись, клюетъ, шельма! клюетъ, бестія! бормочетъ про себя Иванъ Ивановичъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на возгласы законной половины.

— Создатель ты мой батюшка! Вотъ на-

казанье-то! вопіетъ Марья Ивановна, трагически поднявъ взоры и плечи свои горѣ—къ небесамъ, и для пущей выразительности всплеснувъ руками. Камень ты, безчувственный ты человѣкъ! Слышишь ли ты, что говорятъ то тебѣ! Въ должность пора!

— А те-те-те! кажись, взяла!.. нѣтъ, не взяла... наровить только, наровить, каналья! бормочетъ Иванъ Ивановичъ.

— Да что же это будетъ наконецъ? продолжаетъ Марья Ивановна. Извергъ ты рода человѣческаго, тиранъ ты эдакой! Ну, какой ты мужъ, какой ты отецъ семейства—службу забылъ, чай забылъ, дѣтей, жену, все, все забылъ! По ночамъ даже дома не ночуетъ,—знай только удить себѣ! а я одна—не сплю, маюсь, словно муха какая! Ни любви, ни состраданія въ тебѣ нѣтъ!

— Сорвалась! сорвалась, проклятая, и червяка унесла! въ ужасѣ восклицаетъ Иванъ Ивановичъ и засимъ въ ярости обращается къ своей благовѣрной:

— Убирайся ты къ чорту наконецъ! кри-

читъ онъ. Изъ за тебя я, можетъ быть, щуку упустилъ, баба ты эдакая ехидная! Чего лѣзешь! Не пойду я въ должность, слышишь ли — не пойду я въ должность! Провались вы тамъ всѣ!

— Ну, погоди-жь ты! я-жь тебѣ наклею прическу, если ты такъ поступаешь со мною! коварно мыслить Марья Ивановна, огорченная и оскорбленная удаляясь отъ своего супруга, и на пути шествія своего встрѣчается съ однимъ бѣлогубымъ юношей петербургско-нѣмецкаго происхожденія, на донъ-жуанскій поклонъ котораго она впервые рѣшается отвѣтить обворожительно-благодарной улыбкой.

* * *

А Иванъ Ивановичъ стоитъ и удитъ...

* * *

Главнѣйшими аренами рыболовной дѣятельности у петербургскихъ дачниковъ являются мосты. Петровскій, Елагино-Кресговскій, Стародеревенскій, Кѣмендантскій и прочіе мосты и мостишки постоянно бываютъ заняты не-

подвижно стоящими рыбаками. Въ какую бы пору дня или ночи не заглянули вы туда—рыбари-аматеры неукоснительно присутствуютъ на своихъ обычныхъ мѣстахъ и сосредоточенно удятъ. Да, государи мои, —съ сокрушеніемъ повторяю вамъ—въ этомъ упорномъ занятіи есть нѣчто жестокосердое, нѣчто факирское, подвижническое!

* * *

Иванъ Ивановичъ стоитъ и удить....

* * *

Солнце печетъ нестерпимо: оно давно уже накалило деревянные перила моста, давно уже пропекло насквозь спину усерднаго рыбака, давно уже три обильныхъ пота согнать съ него успѣло.

* * *

Иванъ Ивановичъ стоитъ и удить....

* * *

Со всѣхъ концовъ горизонта поднимаются густыя, тяжелыя облака свинцово-бѣлаго цвѣта. Облака группируются въ тучи; тучи застилаютъ весь небосклонъ. Вдали слышны

раскаты грома. Вотъ упали первыя тяжелыя капли дождя, за ними засѣялъ частый, дробный прыскунецъ, за прыскунцомъ — ливень какъ изъ ведра, ливень, продолжающійся гораздо болѣе часу — рыбака промочило до костей, одежда его, вся безъ исключенія, подобно грецкой губкѣ, напилалась влагою — хоть выжми! въ сапогахъ за голенищами онъ точно также ощущаетъ обильное присутствіе все той же небесной влаги; онъ весь продрогъ, весь посинѣлъ, онъ чувствуетъ наконецъ признаки начинающагося флюса и лихорадки — и что же?

* * *

Иванъ Ивановичъ стоитъ и удить...

* * *

Снова проглянуло солнце и снова увидѣло оно Ивана Ивановича на его обычномъ мѣстѣ. — «Ну, гусь! думаетъ себѣ солнце, ничѣмъ-то не проберешь тебя! Инъ ужъ взять что ли, да высушить сердешнаго»? И солнце начинаетъ сушить доблестно упорнаго чиновника.

Подходитъ къ Ивану Ивановичу другой Иванъ Ивановичъ, тоже дачникъ и дачникъ весьма таки тучной комплекціи. Подходитъ онъ, вынимаетъ часы смотритъ на нихъ и молча становится позади рыбака. Солнце и его печетъ немилосердно: щеки тучнаго Ивана Ивановича уподобились клюквѣ подсых-ной и табаколюбивый носъ давно уже изображаетъ собою сизую сливу; весь ликъ его блещетъ жемчужинами поту, — а чудный Иванъ Ивановичъ, забывъ даже про то, что, рискуетъ такимъ образомъ познакомиться съ кондрашкою стоитъ себѣ надъ рыбакомъ и только порою на часы поглядываетъ.

— Что вы стоите тутъ, Иванъ Ивановичъ? говоритъ оборачиваясь къ нему рыбакъ, только теперь замѣтившій своего сосѣда.

— Да что, батенька! это ни на что не похоже, въ самомъ дѣлѣ! отвѣтствуетъ тучный сосѣдъ. Вотъ стою надъ вами ровно три часа и двадцать семь минутъ и удивляюсь вашему терпѣнію: — какъ это можно выстоять столько времени на такой жарѣ и ловить рыбу?

Иванъ Ивановичъ любезно улыбается на комплиментъ сосѣда, дѣлающій честь его терпѣнію, и снова сосредоточенно удить...

— Папаса, папаса! Мама обѣдать зоветъ супъ простылъ! издали кричатъ рыболову его птенцы, взапуски приближаясь къ родителю.

— Убирайтесь вы, чертянята, не мѣшайте тутъ! скажите тамъ, чтобы оставили мнѣ, я послѣ приду! распоряжается Иванъ Ивановичъ мимоходомъ спровадивъ отъ себя невинныхъ птенцовъ, и снова принимается удить.

Птенцы съ кислыми губами возвращаются подъ сѣнь родительскаго гнѣзда и объявляютъ, что «папаса не пойдетъ обѣдать и очень сердится, и прогналъ ихъ».

— Ну и пусть его нейдетъ, когда такъ! порѣшаетъ Марья Ивановна.

Ну одной обѣдать ей скучно, болтать весь день съ кухаркой, нянькой да дѣтьми и еще того скучнѣе. Марья Ивановна выходитъ въ свой двухъ саженный палисадникъ, а въ это время, какъ нарочно словно, проходитъ мимо бѣлогубый молодой человѣкъ и останавливается поболтать у калитки.

— Жарко... говоритъ онъ, съ волненіемъ созерцая красоты Марьи Ивановны.

— Жарко... отвѣтствуетъ Марья Ивановна, созерцая бѣлогубаго молодаго человѣка.

— А Иванъ Ивановичъ... *тамъ?* вопрошаетъ онъ.

— Иванъ Ивановичъ?... *Тамъ!* отвѣтствуетъ она.

— Онъ все тамъ, а вы все однѣ?

— Все одна... возражаетъ Марья Ивановна и за тѣмъ прибавляетъ: не хотите ли обѣдать?

— Обѣдать? отъ чего же?... я обѣдать всегда... съ удовольствіемъ.

— Такъ милости просимъ, не взыщите, чѣмъ богъ послалъ... вы меня развлекать будете...

Бѣлогубый Донъ-Жуанъ въ телячьемъ восторгѣ цалуетъ пухлую ручку Марьи Ивановны и садится съ нею обѣдать...

* * *

А Иванъ Ивановичъ стоитъ и удивляется...

* * *

— Много вы поймали сегодня, Иванъ Ивановичъ? любопытствуетъ у него вечеромъ тучный дачникъ.

— Да вотъ... плотву одну поймалъ, а могъ бы поймать щуку или сига, чортъ возьми!

— Такъ-съ. Но все-таки и это трофей, замѣчаетъ дачникъ, потому тутъ главное, конечно—удовольствіе...

И оба расходятся необыкновенно довольные другъ другомъ и собою.

На слѣдующіе дни Иванъ Ивановичъ точно такъ же стоитъ и удить, а бѣлогубый обѣдаетъ съ Марьей Ивановной... И такъ все лѣто до переѣзда съ дачи.

Съ этимъ переѣздомъ Иванъ Ивановичъ теряетъ, конечно, свое страстно-любимое занятіе, но за то пріобрѣтаетъ юнаго друга дома въ лицѣ бѣлогубаго человѣка.

Вотъ, милостивые государи, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ пагубная страсть петербургскихъ рыбарей! Оно конечно — занятіе пріятное, но тѣмъ не менѣе можетъ случиться и такъ, что, благодаря рыбоманіи, вдругъ потрясается цѣлость очага семейнаго. И счастливъ при этомъ тотъ Иванъ Ивановичъ, который, кромѣ поплавка своей удочки, ничего болѣе не видитъ и не замѣчаетъ!

Но это еще не все, государи мои! нѣтъ, это далеко не все! Пагубная страсть сія ведетъ даже и къ трагическимъ послѣдствіямъ; хотя трагизмъ ихъ носитъ часто мѣстный, жиденькій характеръ, но тѣмъ не менѣе это все-таки трагизмъ. Вотъ случай, коего свидѣтелемъ довелось быть мнѣ, правдивому бытописателю нравовъ петербургскихъ.

Иванъ Ивановичъ стоялъ себѣ на своемъ обычномъ мѣстѣ, посерединѣ Елагино-крестовскаго моста, и предавался своему мирному занятію. Онъ уже присутствовалъ тутъ битыхъ три часа—и суровый рокъ на сей разъ рѣшительно не желалъ ему благопріятствовать. Одно только солнце, бросая отвѣсныя лучи на спину Ивана Ивановича, ухмылялось про себя съ самымъ скаречно-злостнымъ намѣреніемъ: «а вотъ, постой, молъ, я-жъ тебя пропеку голубчика! я-жъ тебя, что называется, насквозь пронзительно пропеку, погоди ты!» И точно: пропекаетъ отмѣнно. Но Иванъ Ивановичъ, устремивъ взоры свои на поплавокъ, героически презираетъ допеканія солнца съ

такимъ рѣдкимъ стоицизмомъ, коему не шута позавидовали бы Сократъ и Сенека.

А отъ Елагина острова важно-медленной походкой выступаетъ на мостъ мужъ нѣкій, сѣдинами онаго изукрашенный. И по виду и регаліей мужа заключить можно, что онъ есть, по крайней мѣрѣ, начальникъ отдѣленія. Мужъ наслаждается тишиною сельской природы и, опираясь на посохъ, съ достоинствомъ выступаетъ по мосту.

— Клюеть!... клюеть, шельма!... клюеть, бестія! бормочетъ про себя Иванъ Ивановичъ. А мужъ въ это время уже въ двухъ шагахъ разстоянія отъ рыбака, поглощенного вниманіемъ своимъ къ колебанію поплавка и потому не замѣчающаго приближенія лица посторонняго.

— Взяла! вскрикнулъ Иванъ Ивановичъ—и уда его описала въ воздухѣ дугу, сверкая на концѣ чѣмъ то трепетно-блестящимъ.

— Ай! пронзительно-громко раздалось въ этотъ самый моментъ позади рыболова.

Рыболовъ обернулся и оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Передъ нимъ стоялъ его непосредственный начальникъ, держася правою рукою за правую

щеку, тогда какъ между этими рукой и щекою трепетала рыба.

Трепетанье рыбы, въ означенномъ и вовсе для нея не свойственномъ мѣстѣ, было не болѣе какъ моментально, ибо перепуганный начальникъ тотчасъ же выпустилъ ее изъ своей руки; но тѣмъ не менѣе фактъ существовалъ: рыба трепетала, онъ ее осязалъ, а Иванъ Ивановичъ зрѣлъ своими собственными очами. Положеніе, по истинѣ, было экстраординарно и трагично. Но высшій трагизмъ его злосчастный Иванъ Ивановичъ восчувствовалъ только въ тотъ моментъ, когда начальственная особа, придя въ себя отъ испуга, изволила разсвирѣпѣть.

— Милостивый государь! съ грозной торжественностью возгласила она, — милостивый государь! это что значить?!

Милостивый государь стоялъ ни живъ — ни мертвъ и искренно желалъ провалиться въ воду.

— Какъ это прикажете понять? продолжала начальственная особа, приступая къ смущенному рыбарю. Вы вмѣсто того, чтобы хо-

дять въ должность, изволите ловить рыбу, а сами больнымъ рапортуетесь.

— Виновать, Карлъ Богдановичъ! нечаянно-съ! Видить Богъ, нечаянно!

— Сомнѣваюсь. Вы очень хорошо могли видѣть, что я иду съ того конца и... и сдѣлали это преднамѣренно, желая оскорбить начальника...

— Карлъ Богдановичъ! свидѣтель Всевышній—не намѣренно!... Да смѣю ли я?! да могу ли я?!

— Нѣтъ-съ!... это неповиновеніе къ властямъ, неуваженіе къ сану, посягательство на общественную нравственность... это бунтъ, возмущеніе, сатира.. это... это, наконецъ, нигилизмъ, и вы нигилистъ, милостивый государь! Извольте отвѣчать мнѣ, какая это рыба? какъ она называется?

— Окунь-съ.

— Окунь? И такъ, вы меня оскорбили окунемъ! окунемъ по лицу? Я буду жаловаться по начальству, подамъ рапортъ директору.

— Карлъ Богдановичъ! взмолился Иванъ

Ивановичъ, съ непритворными слезами на глазахъ и раскаяніемъ въ своей пагубной страсти въ душѣ, Карлъ Богдановичъ! Жена, дѣти, птенцы! не доводите до свѣдѣнія! Умоляю васъ! простите! Я тотчасъ же этого окуня—въ наказаніе ему, разорву пополамъ и брошу въ воду, хотя и онъ невиненъ, клянусь вамъ—невиненъ!

Карлъ Богдановичъ, видя, что подчиненный его со страху зарпортовался и не знаетъ самъ, что говорить, убѣдился въ томъ, что проступокъ сей учиненъ имъ ненамѣренно, и потому обратился къ нему съ такою рѣчью:

— На этотъ разъ я вамъ прощаю! Я, по добротѣ сердца своего, прощаю вамъ, только чтобы впредь этого больше не случилось!

Восторженный Иванъ Ивановичъ бросился облобызывать плеча своего милостиваго патрона и цѣлые два дня послѣ этого не ходилъ удить рыбу, къ крайнему неудовольствію Марьи Ивановны, которая съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ пообѣдала съ бѣлогубымъ Донъ-Жуаномъ, говоритъ постоянно своему благовѣрному:

— Ты бы, душа моя, шелъ себѣ рыбку удить! Иди, мой ангелъ, тебѣ это такъ пріятно и притомъ даже для здоровья полезно.

И Иванъ Ивановичъ идетъ и удить, хотя окуней вытягиваетъ уже съ оглядкой и осмотрительной осторожностію.

Теперь, милостивые государи, изъ всего оповѣданнаго здѣсь, бытописатель петербургскихъ нравовъ можетъ вывести слѣдующее назидательное правоученіе:

Иваны Иванычи! вы, идиллическіе рыбари-аматеры, вы, смущающіе мирный покой и безпечальное плаваніе рыбъ финско-невскихъ. Предавайтесь своимъ жестокосердымъ занятіямъ не на мостахъ, а на берегахъ пустынныхъ, необитаемыхъ, или посреди водъ въ утлыхъ ладьяхъ своихъ, ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ вы, по крайней мѣрѣ, не рискуете падать въ мимоидущихъ окунями или, что еще хуже, разрывать нечаянно крючками губы, какъ то недавно случилось съ нѣкоторымъ злосчастливымъ дачникомъ на мосту Староде-ревенскомъ.

ДВА ВЕЧЕРА НА ДАЧѢ.

I.

ОГОРЧЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Около послѣднихъ чиселъ августа 1861 г., вечеромъ, въ восьмомъ часу, на установленную цвѣтами террасу одной весьма приличной дачи, всходилъ молодой человѣкъ, которой съ пароходомъ только что пріѣхалъ изъ города.

Молодой человѣкъ, доводился племянникомъ генералу Кануперскому, и въ эту самую минуту, какъ мы видимъ его на террасѣ, онъ пробирается къ своему почтеннѣйшему дядюшкѣ.

Этотъ-то почтеннѣйшій дядюшка, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, и былъ обитателемъ хорошенькой дачи, окна которой, изъ за мягкой курчавой зелени и изъ за рядовъ разноцвѣтныхъ георгинъ, прямо выглядывали на свѣтлую Неву.

Молодой человекъ очень рѣдко посѣщалъ генерала, ибо ни онъ въ старикѣ, ни старикъ въ немъ особенно не нуждались, и притомъ же особа, дядюшки была хотя и почтенная но довольно скучная особа, общество которой едва-ли могло кому либо доставить ощутительное удовольствіе.

На этотъ разъ молодой человекъ засталъ все семейство за чайнымъ столомъ, въ глубинѣ террасы, гдѣ оно пріютилось прикрытое отъ постороннихъ глазъ парусинными гардинами, зеленью дикаго винограда, гортензій и всякаго рода разныхъ растеній. Чай пили «подачному», т. е. довольно рано. Молодаго человека приняли полурадужно, какъ всегда принимаютъ юныхъ родственниковъ особы ранга солиднаго. Одна только кузина его, дочь Кануперскаго, дѣвушка лѣтъ девятнадцати, дружески протянула ему руку. Тетушкѣ было почти не до пріемовъ: она вся ушла въ гостя, который сидѣлъ подлѣ нея. Наружность и костюмъ этого гостя — господина не опредѣленныхъ лѣтъ — изобличали санктпетербургскаго джентельмена. Онъ

довольно любезно и довольно нецеремонно велъ какой-то, вѣроятно весьма интересный, разговоръ съ своею сосѣдкой, которая явно старалась ему нравиться. Можно было догадываться, что джентельменъ въ семействѣ долженъ быть тѣмъ, что называется *ami de la maison*. Хозяйка вступала въ періодъ третьей молодости, то-есть считала себѣ лѣтъ около сорока и смѣло могла еще носить имя *belle femme*.

Дочь проглядывала сырой, неразрѣзанный номеръ «Современника» и, казалось, вся была погружена въ интересъ новостей журнала. Одинъ старикъ сидѣлъ поодаль надъ остывшимъ стаканомъ чаю, и угрюмо, сосредоточенно пускалъ благовонный дымъ изъ своего длиннаго чубука. При взглядѣ на сего почтеннаго старца, можно было почти сразу замѣтить, что онъ удрученъ бременемъ невыгодныхъ современныхъ обстоятельствъ, и принадлежитъ къ числу «огорченныхъ». Присутствіе джентельмена было ему весьма не по сердцу, но онъ молча покорялся этому присутствію и старался не замѣчать ни разговора гостя, ни усиленнаго вни-

манія къ нему своей почтенной супруги. Раза два только покосился онъ на дочь и въ особенности на синюю обертку лежавшей у нея на колѣняхъ книжки, вздохнулъ про себя какимъ-то неопредѣленнымъ воздыханіемъ и продолжалъ хранить упорное молчаніе.

Перекинувшись нѣсколькими фразами съ кузиной, молодой человѣкъ, приличія ради, подселъ къ уединенному старцу. Между тѣмъ чай кончился,—хозяйка спустилась съ лѣсенки и отправилась гулять по саду съ великолѣпнымъ джентельменомъ. Кузина, тоже покинувъ свое плетенное кресло у чайнаго стола, помѣстилась съ книгою на нижней ступенькѣ террасы,—старикъ съ племянникомъ остались одни. Разговоръ между ними какъ-то не клеился, хотя старику и хотѣлось бы придраться къ какому нибудь поводу, чтобы излить хоть часть удручавшихъ его голову и душу огорченныхъ ощущеній и мыслей. Молчаніе наконецъ пришло къ тому, что оба какъ-то невольно сознали потребность хотя бы чѣмъ нибудь нарушить его.

И молодой человѣкъ первый нарушилъ мол-

чаніе, самымъ банальнымъ вопросомъ, какой обыкновенно въ этихъ случаяхъ подвергается на выручку людямъ.

— Что подѣлываете, дядюшка? спросилъ онъ, закуривая папироску.

— А что мнѣ дѣлать?.... ничего не дѣлаю.... курю вотъ! отвѣтилъ дядя, пыхтя своей трубкой. И выпустивъ клубъ дыма, примолвилъ, недовольно передвигая своими щетинистыми усами: скучно, братъ!

— Скука болѣзнь, конечно, довольно тяжелая, но очень легко излечимая, замѣтилъ племянникъ.

— Излечимая! возразилъ дядя. А чѣмъ прикажешь лечиться?

— Да мало ли чѣмъ?... Ну, хотя бы, напри-
мѣръ, чтеніемъ....

— Чтеніемъ?.. Что-же читать-то? ужъ не глупости-ли, что вотъ она читаетъ? спросилъ онъ съ затаенною желчью, кивнувъ на свою дочь. Нѣтъ-съ, ужъ это слуга покорный!.. Я было пробовалъ—такая гиль да дичь, что уши вянуть—только кровь себѣ портишь, каждый

разъ книгу бросишь.... Я ужь, батюшка, старъ, чтобъ наткаться на оскорбленія.... У меня сѣдины!

— Помилуйте, дядюшка, кто же васъ тамъ оскорбляетъ?...

— Неуваженіе-съ, тонъ-съ—вотъ что оскорбляетъ!... Эти насмѣшки надъ достойнымъ саномъ людей достойнѣйшихъ, непочтеніе къ сану.... идеи тамъ какія-то, чортъ знаетъ что! Мы привыкли не къ этому, мы воспитывались не такъ—мы не забывались!...

— Но въ такомъ случаѣ, дядюшка, зачѣмъ же вы выписываете этотъ журналъ? съ невольной улыбкой спросилъ молодой человѣкъ.

— Не для себя, мой милый, мнѣ нечему!.. Это вотъ все эти! пробормоталъ со вздохомъ и горечью старикъ, кивнувъ головою по направленію къ дочери и къ саду, гдѣ гуляла жена.

— Нынче ужь дѣти умнѣе родителей стали; яйца курицу учатъ! продолжалъ онъ съ какимъ-то оттѣнкомъ огорченной грусти. (Вообще, надо замѣтить, весь его разговоръ шелъ

въ минорномъ тонѣ). Я не понимаю, откуда все это? Кажется, воспитаны въ страхѣ божіемъ, въ почтеніи, — нѣтъ! эти дурацкія ваши идеи, словно чума, — въ окно врываються: не убережешься!... Я ужь говорилъ, говорилъ — да и рукой махнулъ, — ничего не подѣлаешь; лучше отсторониться и молчать — ну ихъ! пусть себѣ какъ хотятъ! добра только въ этихъ чтеніяхъ мало!

— Ахъ, да!.... Папа, завтра «Грозу» даютъ, — пошлите взять ложу, проговорила молодая дѣвушка, отрываясь отъ книги.

— Зачѣмъ тебѣ, мой другъ, «Гроза»? отозвался старикъ, стараясь сдѣлать свой тонъ помягче. Лучше посмотришь другую какуюнибудь пьесу.... а то что такое «Гроза»?

— «Гроза» хорошая пьеса, а я ее еще не видала, возразила дочка.

— Да зачѣмъ тебѣ и видѣть ее?... для молодой дѣвушки это слишкомъ... тривиально...

— Напротивъ, я ее читала и тривиальнаго ровно ничего не нашла.

— Ну, дѣлайте себѣ какъ хотите! со вздо-

хомъ заключилъ старикъ и опять желчно передернулъ щетинистыми усами.

— Хорошъ вѣкъ, нечего сказать, очень хорошъ! продолжалъ онъ брюзжать себѣ подъ носъ, набивая новую трубку. Молодая дѣвушка ѣдетъ смотрѣть безнравственную пьесу, а мать еще потекаетъ... тоже непрочь... Я не понимаю, за чѣмъ нынче смотрять и какъ допускаютъ на сцену подобныя мерзости!

— Вы видѣли ее? спросилъ молодой человекъ.

— Что это? пьесу-то? — Боже меня сохрани!... Я слишкомъ уважаю себя, чтобъ смотрѣть разные пасквили.... Я далъ себѣ слово, не ѣздить любоваться этими пошлостями. Этихъ бы всѣхъ сочинителей посѣчь хорошенько, да и актеровъ за одно — не играй молъ, такъ вотъ и былъ бы порядокъ, и нравственность была бы!...

Племянникъ на это не возразилъ ничего: послѣдняя мораль была уже давно ему знакома.

— Я и на себя-то самого дивлюся, продолжалъ между тѣмъ дядюшка. Что это со мною

нынче сталося? — бывало, батальонъ солдатъ дрожить, буквально дрожить передъ однимъ взглядомъ, а тутъ дѣвчонка какая нибудь.... баба... которая прежде бы пикнуть не смѣла.... Что это за время настало! Нѣтъ, братецъ, скверно и скучно нынче жить на свѣтѣ! а ты еще говоришь лечиться отъ скуки; чѣмъ тутъ лечиться отъ скуки! чѣмъ тутъ лечиться!

— Ну, если вы не жалуете литературы, займитесь политикой, возразилъ съ улыбкой молодой человѣкъ.

— По-ли-тикой? А какой это политикой? Ужъ не этимъ ли вашимъ безмозглымъ прощальгой Гарибальди? Чтожь, ты мнѣ прикажешь читать, какъ онъ замышляетъ анархію, безпорядки, противъ святаго отца бунтомъ идетъ—это что ли?

— Но вѣдь онъ генералъ итальянскаго войска, дядюшка, возразилъ юноша, съ оттѣнкомъ чуть замѣтной ироніи.

— Генералъ!... какой онъ генералъ? Онъ бездѣльникъ, мазурикъ какой-то, который толь-

ко порочить собою благородный санъ и генеральскій мундиръ.... Генералъ!.... А знаетъ ли этотъ генералъ рекрутскій уставъ о воинской службѣ? Я бы этого генерала во фронтъ поставилъ, а нѣтъ, такъ отдалъ-бы его любому своему ефрейтору на одиночное ученье, да сперва тихимъ учебнымъ шагомъ въ три пріема морилъ бы его по полусуткамъ.... а коли нечисто артикуль дѣлаетъ — въ фухтеля его, каналью, въ фухтеля, безъ разсужденій!... Такихъ генераловъ, по закону, слѣдовало бы сквозь строй, да въ Сибирь, въ арестантскія роты!.... Политика! мнѣ ужъ и въ обществѣ, и въ разговорахъ-то вотъ она гдѣ сидитъ! На старости лѣтъ иной разъ поддакивать да потакать приходится — къ духу времени, вишь, примѣняться да подлаживаться надо; будетъ съ насъ и этого!...

— Ну, если вамъ не по душѣ литература съ политикой, поѣзжайте въ имѣніе, займитесь агрономіей, предложилъ племянникъ съ улыбкой. Но дядюшка или не замѣчалъ, или притворялся, что не замѣчаетъ ея; притворялся потому, что

ощущалъ еще потребность изливаться своею огорченіемъ. Ему, бѣдному, такъ рѣдко это удавалось: онъ все думалъ про-себя большею частію, такъ какъ не могъ найти сочувствія ни въ дочери, ни въ женѣ, занятой исключительно своимъ джентельменомъ.

— Былъ я въ имѣніи и не поѣду туда больше, говорилъ онъ, все въ томъ же мирномъ тонѣ. Это уже не прежнее время—мы вѣдь ужъ нынче, поди-ка, и за баръ не считаемся... Ѣздилъ я туда, да только непріятностей набрался съ этими уставными грамотами!... И что за грамоты—рѣшительно не понимаю! и понять не могу!... Мировые эти посредники тянутъ руку мужичья; рѣшительно никакого уваженія къ сану и къ лѣтамъ! Какойнибудь ничтожный секретаришка губернской, съ позволенія сказать, говоритъ съ тобой, какъ съ равнымъ... Поддерживать, вишь ты, нужно ему обоюдные интересы!.... А какіе тутъ интересы? Въ прежнее время—мнѣ подай положенный оброкъ, какой я назначу—и знать больше ничего не хочу; а нынче почти въ половину противъ прежняго получаю.

— Какія-жь у васъ тамъ вышли непріятности? спросилъ племянникъ.

— Мужика хотѣлъ высѣчь.

— Ну, и что-жь?

— Не позволили. Это чортъ знаетъ что такое! меня, вдругъ, ставятъ на одну доску съ какимъ нибудь мужикомъ, и разбираютъ, кто изъ насъ правъ, а кто виноватъ! Какой нибудь исправникъ съ посредникомъ, какіе нибудь губернскіе секретари могутъ сѣчь, а я, генералъ моего отечества—не могу!...

— Нынче уже не то время, дядюшка, замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Не то время!... Что такое время?... Жилъ, жилъ, считался умнымъ и полезнымъ человѣкомъ, а теперь говорятъ тебѣ: убирайся, молъ, не нуженъ больше.... А чѣмъ я не гожусь? Сколько мы однихъ безпорядковъ на своемъ вѣку усмирили! Меня отецъ покойникъ отъ мамки сдалъ своему фельдфебелю—и тотъ былъ мой учитель, а нынче профессоровъ завели.... Розогъ, вишь, дѣтямъ не нужно;—ну, и будутъ ослы! Я самъ на себѣ перенесъ много

розогъ, однако, благодареніе Богу, вышелъ человѣкомъ, а не тряпкой...

— Ну вотъ, хоть примѣромъ сказать, теперь откупъ уничтожили, продолжалъ онъ брюзжать, зачѣмъ уничтожать откупъ, когда государству отъ откупа доходъ?... Нѣтъ, въ наше время было не то, а нынче...

Старикъ не докончилъ; онъ только махнулъ рукой и съ глубокимъ сокрушеніемъ повачалъ головою.

Вошла его супруга, въ сопровожденіи джентельмена, и разговоръ прекратился. Старикъ опять ушелъ въ свою раковину. Высказавъ все, что накипѣло у него на сердцѣ, онъ сдѣлался еще молчаливѣе, — какъ будто сильнѣе почувствовалъ свое одиночество, свою огорченность, свое безсиліе... Въ эту минуту онъ былъ вполнѣ ненужнымъ, вполнѣ лишнимъ человѣкомъ.

— Старое старѣется, молодое растетъ, подумалъ молодой человѣкъ и, взявшись за шляпу, распрощался съ семействомъ своего почтеннаго дядюшки...

II.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЗЫГРАВШІЙСЯ.

Та же самая дача съ бѣлыми маркизами, въ кудрявой зелени, тотъ же столъ на террасѣ, съ чайнымъ приборомъ, то же самое семейство генерала Кануперскаго, и самъ генералъ Кануперскій тутъ же и племянникъ его, молодой человѣкъ, тутъ же; нѣтъ только великолѣпнаго джентельмена... Все то же, только время-то ужъ не то: дѣйствіе происходитъ годъ спустя, ровно почти годъ, и въ концѣ августа же мѣсяца, нашего фальшиваго августа.

Молодой человѣкъ почти годъ какъ не былъ у дядюшки и въ этотъ годъ онъ уже не узналъ ни дядюшку, ни его семейство — такъ они измѣнились!...

Гдѣ эта угрюмая скромность, гдѣ это огорченіе, которое такъ связывало сего почтеннаго старца не далѣе, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Перемѣна-ли какая случилась въ его жизни, назначеніе какое получилъ

онъ, что-ли?—нѣтъ, ничего этого не бывало; дядюшка живетъ по прежнему... а между тѣмъ, онъ смотритъ орломъ... Въ чертахъ лица его, какъ и во время оно, въ далекое оно время, опять появилась начальническая, гордая самоувѣренность и соколиная, дисциплированная осанка. Станъ его выпрямился, плечи приподняты, на устахъ играетъ улыбка — и эта улыбка ясно говоритъ про сознаніе силы и власти. Словно бы для него настало прежнее его время, словно бы къ нему опять вернулась его молодость. Такъ измѣнился дядюшка. Но измѣнилась и тетушка: тетушка стала филантропкой, тетушка наконецъ... кто бы могъ предвидѣть?... романы Дюма-сына и «Мадамъ Бовари» Флобера замѣнила назидательною бесѣдой Аскоченскаго... Измѣнилась наконецъ и дочка: она стала блѣднѣе, грустнѣе и молчаливѣе ..

— Ну, что, племянничекъ, что подѣлывать изволите? звучнымъ голосомъ отнесся генераль къ молодому человѣку, видимо и довольно аляповато подтрунивая надъ нимъ.

— Ничего не дѣлаю... Да и что дѣлать-то нынче? отвѣтилъ племянникъ.

— Такъ, такъ!... конечно, какъ намъ взяться за дѣло! намъ философствовать надо, социальничать надо!... Небось, скучаете?

— Да, скучаю...

— Какъ!? А вы же прописывали мнѣ рецепты для излеченія отъ скуки? Читайте, молодой человѣкъ, читайте...

— Читать, дядюшка, — да что читать-то?

— Ну, какъ не найтись чтенію! Теперѣ, напротивъ, есть что почитать... Я и самъ теперь читаю!...

— Какъ?! Вы? вы, дядюшка, читаете? спросилъ удивленный племянникъ.

— Читаю-сь, племянничекъ, читаю-сь!... Вотъ видишь ли, сколько газетъ получаю: и «Пчелку», и «Домашнюю Бесѣду» и «Сынъ Отечества» — вотъ сколько выписываю! Сталъ данникомъ литературы... Ты не читаешь «Сына Отечества»?

— Избавленъ отъ этого удовольствія.

— Ну, напрасно!... Это журналъ хорошій:

раньше всѣхъ извѣстія съ нашего запада получаетъ—это меня очень интересуется... Энергій побольше бы съ ними; мало еще энергій въ тамошней политикѣ нашей, а то бы все хорошо было. Насъ бы послать туда, мы бы вспомнили старину, перевернули бы тотчасъ все по свойски... Ну-съ, а вы, мой милый племянничекъ, прибавилъ старикъ, круто повернувшись на каблукахъ, что же вы, думаете держать на кандидата? Ха, ха, ха!.. Нѣтъ-съ, мой милѣйшій, кабы вы въ полкъ да подъ мое начальство подпрапорщикомъ поступили, такъ въ васъ былъ бы прокъ, а теперь—философствуйте! Мы вотъ еще посмотримъ, какъ вы это у насъ пофилософствуете!... Я вотъ нынче и «Русскій Вѣстникъ» самъ выписываю. Прекрасный журналъ! благородный журналъ! — Въ это время человекъ подалъ только-что полученные изъ города газеты.

— А! газеты! посмотримъ, что новаго изъ Италіи!... Я вѣдь, братецъ, нынче и политической занимаюсь,—по вашему же совѣту, говорилъ дядюшка, пробѣгая столбцы газеты,

и вдругъ лицо его измѣнилось и мгновенно просіяло еще болѣе.

— Ба! закричалъ онъ восторженнымъ голосомъ, вотъ новость-то! вотъ неожиданность!

— Что такое? спросили жена и племянникъ вмѣстѣ.

— А ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что Гарибальди взять въ плѣнъ полковникомъ Палавичини, и конечно ужъ навѣрное будетъ повѣшенъ! И по дѣломъ: противъ святаго отца не бунтуй!... О, этотъ Наполеонъ—это великій человекъ! Но... позвольте... что же это такое?... Гарибальди получилъ двѣ опасныя раны... Ай-ай-ай, это не совсѣмъ-то хорошо! пожалуй онъ эдакъ околѣетъ раньше военнаго суда надъ нимъ... Ну, да авось поторопятся!...

— Гарибальди раненъ и взять въ плѣнъ? съ участіемъ спросила молодая дѣвушка.

— Нда-съ! раненъ и взять въ плѣнъ! отвѣтилъ генералъ, стараясь передразнить слова дочери, съ видимымъ оттѣнкомъ колкости. А вамъ, поди-ка, жалко его? Шляпки выйдутъ изъ моды?... Вы вѣдь тоже принадлежите къ

числу современныхъ героинь и поклонницъ его?... Ха, ха, ха! хороша героиня!...

Дѣвушка молча поднялась, чтобы выйти изъ комнаты.

— Ну, вотъ это и лучше! подхватилъ старикъ, какъ бы въ отвѣтъ на ея движеніе. Вамъ вовсе не слѣдуетъ быть тамъ, гдѣ говорятъ старшіе и тѣмъ болѣе вмѣшиваться въ ихъ разговоры! Вы должны знать свои руководѣлья!...

Но дочка уже не слыхала послѣднихъ словъ своего батюшки.

— Старикъ, чрезвычайно довольный собою, набилъ новую трубку, вырвалъ листокъ изъ послѣдняго номера «Современника» и употребилъ его на раскурку.

— Вотъ самое лучшее и полезное употребленіе этого мудраго журнала, замѣтилъ онъ, обращаясь къ племяннику, видимо довольный своею выходкой. Онъ у меня нынче на эти надобности только и употребляется!

Въ это время вошли два старые пріятеля и сослуживца почтеннѣйшаго дядюшки, а ны-

нѣ сосѣди его по дачѣ. И приходу двухъ этихъ лицъ обрадовался дядюшка несказанно.

— Ура, господа, ура! Новость! важная новость! говорилъ онъ, весело потирая руки. Гарибальди въ плѣну! Слыхали? Это событіе послѣдній ударъ всей этой новой чепухѣ! Оно такъ меня обрадовало, что я даже намѣренъ отпраздновать его: нынче за ужиномъ, господа, мы съ вами разопьемъ бутылочку шампанскаго.—Ура! Торжествуй Екатерина! заключилъ онъ въ экстазѣ. Мы побѣдили!

— Старое растеть да молодѣеть—молодое молчить, подумалъ племянникъ и вышелъ изъ комнаты.

V.

ЛЮБОВЬ ДВОРОВЫХЪ.

I.

Отъ Мартына Гавриловича Синькова къ Авдотѣ Ива-
новнѣ Булдаковой.

Драгоценнѣйшій мой

Ангель!

Сколь меня привело въ радость то, что вы съ господами вашими пріѣхали уже изъ деревни и притомъ имѣете еще немного меня въ своей памяти, чего никогда не ожидалъ, потому что надежда моя была совсѣмъ потеряна. Я, въ безъизвѣстности о васъ, полагалъ, что вы уже давно вышли замужъ за кого нибудь другаго, но теперь увѣрился вполнѣ, что вы опять по прежнему, мой ангельчикъ, меня любите, чѣмъ удивительно почитаю себя счастливымъ.

Благодарю васъ, драгоцѣннѣйшая Авдотія, за вашу память, а я съ моей стороны васъ никогда не забывалъ и постоянно имѣлъ васъ въ своей памяти и неоднократно оплакивалъ нашу несчастную участь! Теперь же очень обрадованъ и, при нездоровьи моемъ, льщу себя надеждою, что вы посѣтите меня, страдающаго Лазаря, ибо лежу второй день, будучи прикованъ къ постели своей болѣзнію.

Пожалуйста, неоцѣненная Авдотія, приходите, какъ только можете, поскорѣе—жду васъ съ нетерпѣніемъ.

Вторично умоляю васъ, ради самого Создателя нашего, не оставьте меня вашимъ посѣщеніемъ, чѣмъ сдѣлаете, какъ для меня, такъ и для Бога, большую услугу, ибо сказано: посѣщать больныхъ есть долгъ священнѣйшій.

Наконецъ при сихъ словахъ моихъ, цалуя васъ несчетно разъ, остаюсь навсегда искренно по гробъ жизни любящій

Мартынь Синяковъ, 1855 года.

II.

Отъ Авдотьи Ивановны Булдаковой къ Мартыну Гавриловичу Синькову.

Милому моему другу

Мартыну Гавриловичу!

Во первыхъ спѣшу узнать объ вашемъ здоровьѣ, о себѣ скажу, что я слава богу здорова, чего и вамъ душевно желаю. Но только меня одно беспокоитъ, что я васъ долго не видала. Завтра наши поѣдутъ па вечеръ, такъ я всенепремѣнно буду у васъ, а вы въ это самое время уже ждите меня.

За симъ остаюсь извѣстная вамъ

Авдотья Ивановна

Булдакова.

Цалую васъ, душенька, 1000 разъ...

III.

Отъ Мартына Гавриловича Синькова къ Авдотѣ Ива-
новнѣ Булдаковой.

Милѣйшая
Авдотія!

Не знаю, къ чему это приписать и что я долженъ думать объ томъ, что вы не исполни-
ли своего обѣщанія, какъ хотѣли-было тре-
тѣва-дни посѣтить меня вечеромъ и не по-
сѣтили меня, бѣднаго Лазаря, изнемогавшаго
почти цѣлую недѣлю. Присутствіе ваше мог-
ло бы служить мнѣ большимъ исцѣленіемъ,
потому какъ одинъ взглядъ вашъ могъ бы
согрѣть меня отъ лихорадочнаго трясенія.
Поддерживало меня только то, что я не за-
бывалъ объ васъ и припоминалъ тѣ обворо-
жительныя минуты, когда я находился съ
вами въ послѣдній разъ, еще до отъѣзда ва-
шего съ барыней въ деревню, и какъ вы
тогда съ мадамъ Абросимовой, подобно фе-
ямъ, сидѣли по бокамъ меня. Вспоминая о

семъ, я получалъ облегченіе моимъ страданіямъ, и согрѣвшись, засыпалъ, дабы видѣть васъ въ видѣніяхъ и грезахъ постоянно: вы являлись передо мною какъ Ангелъ въ бѣлизнѣ; то ласкали меня, то съ улыбкою грозили перстомъ, то опять являлись со множествомъ дѣвицъ, а болѣе всего я видѣлъ васъ сидящею около меня и правую руку положивъ на грудь мою, какъ будто ощущая біенія моего сердца; а послѣ моего пробужденія, я весь былъ словно вытасченъ изъ воды и градомъ потъ съ меня катился. Но теперь, слава Богу, я оправился здоровьемъ, чего и вамъ чистосердечно желаю. Придите ко мнѣ, ангельчикъ мой, какъ только будетъ вамъ можно.

О чемъ всепокорнѣйше прошу и остаюсь любящій васъ вѣчно и навсегда, по гробъ жизни своей,

Мартынъ Синьковъ.

IV.

Отъ Авдотьи Ивановны Булдаковой къ Мартыну
Гавриловичу Синькову.

Что жъ вы корите меня, что не пришла? кабы можно было, такъ пришла бы. Развѣ я виновата, что *наша* не поѣхала въ гости... Только попреки одни отъ васъ и слышишь!.. а еще любите... Несчастливая я на семъ свѣтѣ!.. Сама ругаетъ, все выговоры, а тутъ вы еще... Богъ съ вами! я не ожидала!.. За симъ остаюся извѣстная вамъ

Авдотья Ивановна
Булдакова.

Какъ ваше здоровье, милый другъ мой Мартынъ Гавриловичъ, о себѣ скажу, что я страданія претерпѣваю, но—слава Создателю—здорова. Очень вамъ благодарна остаюся за комплименты... Только вы можетъ быть смѣетесь въ письмѣ, что называете меня феей... можетъ оно что нибудь такое нехорошее и конфузное означаетъ: да еще обзываете не

меня одну, а г-жу Абросимову—это ей можетъ быть очень огорчительно, потому какъ я дѣвушка молодая, такъ мнѣ еще простибельно съ вашей стороны, а мадамъ Абросимова—дама почтенная и уже изъ лѣтъ тѣхъ вышла.—Засимъ еще разъ прощайте, цалую васъ...

—
V.

Отъ Мартына Гавриловича Синькова къ Авдотѣ Ивановнѣ Булдаковой.

Милѣйшій и дражайшій ангелъ мой,
Милостивая государыня
Авдотья Ивановна!

Читая сіи ваши строки, я очень призадумался, потому какъ не могу постичь, что это внушило вамъ почестъ меня совсѣмъ съ другой стороны. Изъ сего заключаю, что вѣрныя мои предчювствія никогда меня въ обманъ не вводятъ!.. Я думалъ и нынѣ о томъ помышляю, что вы, можетъ быть, преданы другому, хотя вы и выражаетесь въ вашихъ

строкахъ, что вѣрно преданы мнѣ и никогда не забудете, но это никакъ не можетъ быть. Потому знаю, что ни одного примѣра не было въ настоящемъ мірѣ, чтобы женскій полъ могъ быть такъ твердъ въ своихъ постановленіяхъ, какъ мужчина; потому что женщина всегда считается слабѣе мужчины и при томъ же она не имѣетъ такихъ мужественныхъ качествъ бодрствовать и быть вполне основательною—то изъ сего видно, что женщины любятъ и обожаютъ тогда только, когда не выходишь изъ глазъ ихъ; но чуть только отъ нихъ удались, — вступи въ бесѣду съ ними другой мужчина, обольсти ихъ и пролей нѣсколько обманчивыхъ слезъ— и чтожъ выйдетъ?— онѣ забудутъ про все, вполне расположатся на него, а тотъ, кто истинно и душевно любилъ, не могъ такъ обманчиво обольщать ихъ, но только душевно чувствуетъ истинную любовь и потому навѣки остается въ забвеніи и лютою смертію прекращаетъ жизнь свою самымъ плачевнымъ образомъ, потому что онъ единственно

отъ трогательныхъ чювствъ убиваетъ себя, черезъ одну несчастную любовь!.. И много, много есть подобныхъ примѣровъ, то и не удивительно, что и вы, можетъ быть, подвержены вашему природному карахтеру. — Но чтобы я, какъ будучи мужчина, могъ позабыть васъ — никогда!..

Далѣе прочитывая ваши строки, съ огорченіемъ замѣтилъ, что вы упрекаете меня въ томъ, что зачѣмъ написалъ я, что находился между двумя феями и что васъ можно назвать феей, а г-жу Абросимову нѣтъ, потому что она вышла изъ тѣхъ лѣтъ. — Не знаю, за что вы почитаете эти слова: если вы обижаетесь на то, что я васъ зову феей, то за это, кажется, нельзя обижаться, потому какъ я собственноручно, своими глазами въ книгѣ даже читалъ, что феи почитались въ древнія времена богинями невинности и бывали изображены дѣвицами ангельской красоты. По сему я, торжествуя въ тотъ разъ, какъ былъ у васъ, и когда мозель Абросимова сидѣла по одну сторону, а вы по другую, то я и во-

ображалъ, что нахожусь между такими-то феями. Но вы это приняли, вѣроятно, за чтонибудь другое, и догадываюсь, что вы полагаете, будто бы я назвалъ *мадамъ* Абросимову феей — это ужъ совсѣмъ понапрасну. Впрочемъ, не знаю, можетъ быть я ошибся въ оныхъ строкахъ и вмѣсто *моазель* поставилъ *мадамъ*; посему прошу исправить ошибку моего пера и при всемъ-съ томъ васъ благодарю за вашу внимательность.

Итакъ, пребываю къ вамъ навсегда въ неизмѣнности, другъ вашъ до гроба жизни и любящій вѣчно и весь вашъ

Мартынъ Синьковъ.

Госпожѣ Абросимовой и моазель Абросимовой мое низайшее почтеніе и поклонъ. Былъ вчера у Ивана Абрамовича, очень интересный раманцъ слыхалъ; всего не помню, а запомнилъ первые куплеты:

Мило съ милой съединяться,

Мило милую любить,

Мило милой любоваться,

Мило милой милымъ быть —

Очень чувствительно! особенно какъ Иванъ Абрамычъ пѣлъ, я въ это самое время не могъ удержаться, чтобы въ чувствіи своемъ объ васъ не размышлять. Обѣщалъ списать мнѣ всю и на гитарѣ выучить.

—

VI.

Отъ Мартына Гавриловича Синькова къ Авдотѣ Ивановѣ Булдаковой.

Милѣйшій и дражайшій

Ангель

Авдотья Ивановна!

Увѣдомляю васъ, что въ прошедшее наше съ нами свиданіе у госпожи Абросимовой, вы мнѣ сказали, что, во первыхъ, очень ко мнѣ любовь чувствуете и при томъ желали быть у меня, чтобы переговориться на счетъ преднамѣренія моего, касательно васъ, моя душечка, о соединеніи насъ узами законнаго брака. Увѣдомляю васъ при семъ, такъ какъ

вы не исполнили своего обѣщанія и не пришли ко мнѣ, что я преднамѣренъ просить своего барина о позволеніи мнѣ на васъ жениться, въ чемъ съ помощью Творца и Отца нашего Всевышняго надѣюсь быть успѣшенъ. А вы, со своей стороны, тоже на счетъ этого Бога неустанно молитесь и съ госпожею своею также постарайтесь объясниться.

При томъ же опишу вамъ, драгоцѣннѣйшая Авдотія, подробно мое страданіе:

Разставшись съ вами у г. Абросимовой, я погрузился какъ будто въ какую нибудь мрачную пропасть, въ коей не нахожу никакой отрады, чтобы облегчила мою стѣсненную грудь и развлекла страдающаго Лазаря... Не могу найти ни одного предмета, который бы изображалъ на себѣ портретъ вашъ. Какъ я несчастливъ, что я не живописецъ! Я бы профиль вашу, которая такъ глубоко начертана въ моемъ умѣ, изобразилъ бы кистію и, не спуская съ нея глазъ своихъ, имѣлъ бы хоть въ этомъ для себя утѣшеніе! Ахъ! горе, горе мнѣ несчастному, что узналъ я васъ!..

Волшебная ваша сила наказала меня и предала на такія стенанія, и Богъ знаетъ, когда мнѣ будетъ кончина.

Не могу, отъ столь трогательныхъ чувствъ, болѣе изъясняться, потому какъ, описывая мои душебныя волненія, дѣлаюсь какъ помѣшанный, и связь словъ моихъ будетъ доказывать мои страданія, а по сему оставляю это и перебѣгаю къ другому предмету.

Вы просили меня придти къ вамъ въ воскресенье, въ 5 часовъ; но по сей-то причинѣ страданій моихъ, не имѣлъ столь самоотверженія,—придти къ вамъ, дабы черезъ свою горячность не принести вамъ какой нибудь непріятности отъ другихъ, а тѣмъ наипаче отъ господъ вашихъ. И такъ, прошу прощенія у васъ, моя душечка.

Въ заключеніе же пишу вамъ, что желаю вамъ также отъ души быть здоровымъ и веселымъ; и не унывайте ни въ чемъ, не убивайте своего здоровія: оно для васъ очень дорого; живите, ангелъ мой, единственно для меня; все равно, какъ я же—для васъ. И пусть

всѣ ваши страданія я на себя приму, потому
какъ я тѣлосложеніемъ и мужественностью
крѣпче, опять же и по характеру своему, то
могу больше перенести нежели вы.

Одно, одно мое желанье —

Почту счастливый жребій мой —

Закрѣть глаза въ томъ упованьи,

Что вспомнишь ты меня слезой.

Нѣтъ безцѣннѣе, милѣе

Узрѣть мнѣ друга своего;

Однимъ бы хлѣбомъ я питался

И воду бы съ тобой пилъ,

Но сердце мое наслаждалось,

Что сердцу моему мила.

Тогда воздыхнетъ оно и скажетъ:

У часоваго на штыкѣ

Горитъ полночная луна.

Итакъ, при всѣхъ сихъ словахъ моихъ,
пребываю къ вамъ въ глубокомъ почтеніи и
остаюсь въ неизмѣнности — другъ вашъ до
гроба дней моихъ

Мартынъ Синьковъ.

VII.

Отъ Авдотьи Ивановны Булдаковой къ Мартыну
Гавриловичу Синькову.

Милому моему другу
Мартыну Гавриловичу!

Во первыхъ, спѣшу узнать о вашемъ здоровіи, о себѣ скажу, что я здорова, чего и вамъ всемъ сердцемъ желаю... Приходите, если можно, сегодня, а не—то завтра, потому я имѣю много радостнаго для чувствій нашихъ вамъ передать.

Сегодня утромъ я чесала голову барынѣ, а онѣ на мое счастіе были такія добрыя и сами зачали говорить мнѣ, что прослышала—де я, что у тебя женихъ есть.—Я ей и рассказала всю нашу любовь и стала просить со слезами, чтобы онѣ не гнѣвались за это самое на свою рабу, потому какъ я не вольная, то все мое счастіе отъ нихъ однѣхъ только зависитъ. А онѣ, дай Богъ имъ здоровье, сказали мнѣ на это, что я непрочь

выдать тебя замужъ, если только онъ чело-
вѣкъ хорошій.

Итакъ, другъ мой, Мартынъ Гавриловичъ,
съ моей стороны наше дѣло покончено; про-
сите скорѣе своего барина, чтобы онъ съ
вашей стороны никакого препятствія не ока-
зывалъ, а я буду Бога молить за васъ, ангелъ
мой, чтобы дѣло наше кончилось успѣшно.
За симъ остаюсь извѣстная вамъ

Авдотья Ивановна
Булдакова.

Цалую васъ, душенька,
100,000,000 разъ.

Приходите же...

VIII.
Отъ Мартына Гавриловича Синькова къ Авдотѣ
Ивановнѣ Булдаковой.

Драгоцѣннѣйшій Ангелъ
Авдотія!

Получивъ ваше столь драгоцѣннѣйшее пись-
мо, читалъ его съ трогательностью чувствъ,

которой и описать не могу. Хотя и не въ правѣ я такъ смѣло писать къ вамъ этихъ нѣскольکو словъ несвязныхъ, которыя можетъ быть покажутся странными, и можетъ быть вы ихъ отвергаете—этого не знаю; но я не могу скрывать отъ вашихъ взоровъ того, что очень душой своею страдаю. Теперь мои мысли всѣ—объ васъ, потому какъ вы мнѣ послужили большимъ разстройствомъ душебнымъ и я навсегда желаю, какъ спасенья, быть вашимъ, дѣлать съ вами мою участь до гроба, быть другомъ вѣчнымъ и защитникомъ,—но эта связь супружества зависитъ теперь отъ моего барина. А мы съ вами будемъ дни свои провождать въ любви, счастіи и согласіи; при томъ же, я человѣкъ мастеровой, всегда могу имѣть вездѣ хлѣбъ; а вы также въ обученіи находились у мадамы, поэтому дамское платье, опять же и бѣлье тонкое шить можете, а я на счетъ сапожнаго и башмачнаго мастерства большую опытность съ-измалолѣтствія имѣю. А изъ сего слѣдуетъ, что мы можемъ трудами честно хлѣбъ

зарабатывать и жить въ счастіи; потому, для счастія нужно очень немного: если другъ другу нравятся, то пусть Богъ знаетъ, какого званія будетъ одинъ изъ нихъ, все равно что графскаго и генеральскаго, или рабственнаго—это все равно; потому, какъ одна любовь, одно расположеніе и чювствія другъ къ другу могутъ замѣнить имъ какъ славу, такъ и миліоны, и ужъ не даютъ различія по званію тѣмъ, кои въ амурствѣ между собою находятся, ибо между ними любовь.

Лучше жить счастливо, любя пламенно другъ друга, въ бѣдной хижинѣ, нежели въ богатыхъ горницахъ, въ ссорѣ и несогласіи, гдѣ нѣтъ другъ къ другу душевнаго расположенія.

О, на этомъ много зависитъ!.. Мы можемъ видѣть образцы многіе въ этомъ мірѣ.

Извините, ради Создателя, моя дрожайшая Авдотія, что не пишу вамъ болѣе; потому, какъ я, находясь въ ожиданіи столь великаго для насъ дня, не могу собраться съ духомъ описать вамъ мое торжест^{во} и мои чювствія,

которыя я въ сіе время въ груди своей имѣю.

Придите ко мнѣ, если будетъ можно, сегодня, за что обяжете быть навсегда къ вамъ благосклоннымъ. При сихъ словахъ моихъ, остаюсь навсегда вѣрно преданнѣйшій и любящій вѣчно

Мартынъ Синьковъ.

Постараюсь сегодня же говорить съ баринѣмъ на свой счетъ и дамъ вамъ отвѣтъ. Прощайте, ангельчикъ мой, кланяйтесь мозель Абросимовой и ихъ маменькѣ.

IX.

Отъ Мартына Гавриловича Синькова къ Авдотѣ Ивановнѣ Булдаковой.

Не позволилъ...

Господи Боже мой! за что же эдакая бѣда на насъ!.. ни въ чемъ удачи нѣтъ! Ахъ, ангельчикъ мой Дуничка, еслибы вы знали, что тутъ было! Ужъ видно, не жить намъ съ вами вмѣстѣ, не глядѣть мнѣ на васъ, ка-

саточка вы моя. . Вотъ и любовь наша! къ чему же она?.. Такъ горько теперича мнѣ, что кажется руки бы на себя наложилъ... Прихожу ноньче утромъ къ нему и рассказываю все наше чювствіе и прошу, что позвольте, молъ, въ законный бракъ; а онъ, Богъ ужь ему судья! прямо такъ мнѣ и сказалъ, что никакъ я съума сошелъ и его такими пустяками безпокою понапрасну; потому, говоритъ, какъ я человѣкъ подначальный, то изъ барской воли не вышелъ и выходить не смѣю, а что онъ самъ знаетъ, на комъ меня женить слѣдуетъ.

Вы знаете, ангельчикъ мой, Лизку, ту, что онъ выписалъ для своего удовольствія изъ деревни; она у нашей барышни молодой въ горничныхъ состоитъ и ужь всѣмъ извѣстно, какого она поведенія; иной разъ и барышня сама плачется на нее; а онъ теперича и приказываетъ мнѣ безпремѣнно на этой самой Лизкѣ жениться. Я говорю, что воля ваша, потому какъ мы рабы, такъ господскую волю навсегда исполнять должны безотмѣнно, а

только я къ Лизкѣ никакого пристрастія не имѣю и жениться на ней не могу... Господи Боже ты мой! какъ накинется на меня... Богъ ему прости!.. до сихъ поръ въ лѣвомъ боку такая боль, что вздохнуть нельзя... Вотъ и жизнь-то вся такова!.. А чѣмъ же я виновать?... Пропадай теперь моя головушка, коли все пропало!.. Ужъ мнѣ одинъ конецъ, куда ни шло!.. Не могли мы съ вами въ супружествѣ законномъ, по всей невинности и чистотѣ, прожить, то и такъ теперича проживемъ.

Послѣзавтра *нашъ* ѣдитъ на балъ, а я вечеръ и всю ночь свободенъ; приходите, коли можно, пораньше (а если нельзя, то когда барыню свою спать уложите), потихоньку, или какъ словно въ гости куда нибудь отпроситесь, и приходите въ Троицкій переулокъ къ пяти угламъ, гдѣ трактиръ Севастополь, а я ужъ васъ буду ждать на панели! Приходите же, ангельчикъ мой!... Прощайте! За симъ остаюсь на вѣки въ преданности къ вамъ, другъ вашъ

Мартынъ Синьковъ.

Х.

Отъ Авдотьи Ивановны Булдаковой къ Мартыну
Гавриловичу Синькову.

Милому моему другу
Мартыну Гавриловичу!

Богъ вамъ судья, милый другъ мой Мартынь Гавриловичъ! Чтò вы сдѣлали теперича со мною!.. Я бѣдная дѣвушка... Одно только и было у меня, что доброе имя, а теперь чтò мнѣ осталось?... Теперь я совсѣмъ ужь пропащая!.. Какъ получила я ваше письмо, такъ словно помертвѣла вся—вѣрите-ли; злость какая-то такъ и приступила ко мнѣ.. Только васъ ужь очень жалко стало и какъ подумала я, что ужь не жить мнѣ съ вами, что пропала вся наша надежда и любовь, такъ и махнула рукой... Думаю, ужь чтò тутъ жалѣть самое себя!... Берегла я себя, соблюдала въ чистотѣ, а для чего?... Пропадай же, коли ужь насъ разлучаютъ!.. Къ тому же ужь васъ очень мнѣ жалко... Я и

пошла... Совсѣмъ какъ безумная была я, а теперь, какъ пораздумала, такъ и вижу, что себя только погубила навѣки, потому что вы меня разлюбите, другъ мой... Богъ вамъ судья, коли вы меня разлюбите! Мнѣ ужъ теперича ничего не надо!...

За симъ остаюсь извѣстная вамъ
Авдотья Ивановна
Булдакова.

Бѣда, какъ барыня узнаетъ! что тогда я стану дѣлать, несчастная!..

—

XI.

Отъ Мартына Гавриловича Синькова къ Авдотѣ Ивановнѣ Булдаковой.

Драгоценнѣйшій мой цвѣточикъ
Авдотья Ивановна!

При сей вѣрной оказіи спѣшу увѣдомить васъ, милый другъ мой, чтобы вы пришли пониче въ 10 или 11 часовъ вечера *туда*, тамъ я васъ буду ждать безпреремѣнно. А васъ

прошу, ангель мой, изъ заблудительныхъ мыслей своихъ насчетъ меня выйти, потому какъ, можетъ быть, у васъ происходитъ мысленно сумленіе какое нибудь и недовѣрчивость въ искренней моей къ вамъ взаимной любви, то скажу вамъ о себѣ, что я уже предался давно въ предѣлъ Всевышняго Творца, а васъ прошу помнить, что я русскій! и какъ присягалъ Богу и Государю на вѣрную службу, такъ пребываю вѣренъ и на счетъ нашей любви и соединенія сердецъ нашихъ союзнымъ бракомъ, неразлучно до гроба нашей жизни. По этому сáмому вы ужь никакъ не можете писать, будто я васъ позабуду и брошу—на счетъ этого уже никогда... потому, напоминая вамъ еще разъ, я русскій!

Приходите же, ангельчикъ мой! я съ терпѣніемъ и отчаянностью буду ждать той счастливой минуты, которая можетъ быть удовлетворительною для меня. За симъ прощайте.

По гробъ любящій, тоску терпящій.

XII.

Отъ Авдотьи Ивановны Булдаковой къ Мартыну
Гавриловичу Синькову.

Другу моему Мартыну Гавриловичу!

Я не обманула васъ, Мартынъ Гавриловичъ, вчера вечеромъ; я пришла туда, куда вы меня просили; и сегодня, коли хотите, приду, потому что я люблю васъ, ангелъ мой. Ужъ мнѣ теперь все равно — и самое себя нисколько не жаль. Я ужъ все, что хотите, для васъ сдѣлаю, и объ одномъ только васъ прошу: не пейте, ради Господа Бога! Не пейте, ангелъ, голубчикъ, душечка, миленькій мой!... потому, не хорошо это. Вы же не пили ничего сначала, — такъ зачѣмъ же теперь стали пить? — Этимъ нельзя помочь. Я и вчера, какъ пришла въ *то мѣсто*, такъ вы были не въ своемъ видѣ, и отъ людей

постороннихъ прослышала тоже, что вы очень много стали пить. Ангелъ мой! ужъ вы лучше надо мной дѣлайте все, что хотите, а себя поберегите, голубчикъ!.. Коли захотите, чтобы я пришла *туда*, такъ увѣдомьте записочкой. Извѣстная вамъ

Авдотья Ивановна Булдакова.

Цалую и обнимаю васъ, душечка, 1,000 разъ.

XIII.

Отъ Мартына Гавриловича Синькова къ Авдотѣ Ивановнѣ Булдаковой.

О ты, прелестное созданье! кумиръ мечтанья моего! скажи, мой Ангелъ незабвенный, скажи словечко хоть одно! могу-ль я быть счастливецемъ въ мірѣ и жить лишь только для тебя? Мечтой себя я убиваю, но не могу

любимымъ быть; къ тебѣ одной я прибѣгаю, и со слезами умоляю: не отвергай страдальца чювствъ! Скажи: «тебя я обожаю» и поцалуемъ подари,—тогда воскликну я: «о, радость! прошли страданія всѣ мои!» И съ жаркимъ поцалуемъ прижму тебя къ своей груди. Теперь же я какъ тѣнь блуждаю и никому меня не жаль. А сердце бѣдное страдаетъ, но не съ кѣмъ раздѣлить печаль! Твоя краса во мнѣ зажгла любовну искру въ пламень сильный и я рѣшился предъ тобой раскрыть всѣ чювства Электризма; пойми Энергію мою, мой ангелъ незабвенный! и въ сердце влей бальзамъ отрады, своей любовью подаривъ. Затѣмъ, во ожиданьи прервать свои страданья, отвѣта жду на грустную свою мечту.

По гробъ любящій, тоску терпящій.

А вы, душечка моя, ужъ не корите меня за то, что я страданія свои въ напитокъ стараюсь позабыть.—На меня баринъ ужъ очень лють сталъ и серьезно въ намѣреніи такомъ находится, чтобы мнѣ лобъ забрить—очень уже страшаетъ, особенно за Лизку; а ужъ

какъ я сказалъ себѣ разъ, далъ такой зарокъ, что мнѣ одинъ конецъ, такъ хочу карактеръ свой показать, — на то ужъ и иду! потому какъ хотя я и въ рабствѣ рожденный, но человѣкъ съ карактеромъ и при томъ чуюствую... И сами вы знаете, былъ человѣкъ я хорошій, да заморенъ ужъ очень, — вы это почувствуйте, ангелъ мой! такъ мнѣ и напитокъ простителенъ.

XV.

(ЧЕРЕЗЪ ВОСЕМЬ МѢСЯЦЕВЪ).

Милому другу моему
Мартыну Гавриловичу!

Прощайте, милый другъ мой Мартынъ Гавриловичъ! прощайте, голубчикъ! благодарствуйте вамъ за вашу любовь ко мнѣ и сожалѣніе. Я въ счастіи время свое съ вами провожала; благодарствуйте вамъ за это, ду-

нечка, а я васъ не забуду! никогда я васъ
незабуду!.. Прощайте, голубчикъ! несчастная
я на этомъ свѣтѣ!.. Все уже кончено: сама
все узнала; ей экономка насплетничала, буд-
то я не въ своемъ видѣ нахожусь... Ужъ что
тутъ было, ангелъ мой, такъ и вспомнить
страшно... Стали меня освидѣтельствовать и
срамили передъ всѣми людьми нашими, и по-
щекамъ били меня... Господи Боже ты мой!
за что же эдакое-то наказаніе!.. Я и себя
не помню. Какъ только я не умерла! Про-
щайте, ангелъ мой, меня ссылаютъ въ Сим-
бирскую губернію, въ деревню, за наказаніе...
Богъ прости ихъ, а я только передъ ними
не виновата; только что себя не соблюла, такъ
это мой грѣхъ, а не ихній. Богъ съ ними!
Прощайте, Мартынъ Гавриловичъ, голубчикъ!
Прошу васъ въ послѣдній разъ, не пейте,
ангелъ мой; ужъ пусть я одна терплю, а вы
не пейте. Прощайте же, голубчикъ!

Извѣстная вамъ Авдотья Ивановна
Булдакова.

Сама хотѣла сегодня мой сундукъ осмо-
трѣть, такъ я загодя ваши письма всѣ къ
вамъ пересылаю, чтобы она не нашла. Вамъ
передать ихъ г-жа Абросимова. Прощайте!

VI.

НА ГАУПТВАХТЪ

[ИЗЪ ОФИЦЕРСКАГО ЧЕМОДАНА].

Морозъ... На дворъ шумить вьюга.. Хлопья
снѣга валятся въ окно и залепляютъ стекла...
Вѣтеръ въ трубѣ завываетъ....

Часъ двѣнадцатый ночи....

По платформѣ медленно ходитъ прозябшій
часовой.—Все тихо....

Передо мною стоитъ кривоногій столъ съ
клеенкою, которая вся искапана чернилами....
На столѣ—какая то истасканная книжонка,
чуть ли не романъ Поль-де-Кока.

Часа два уже сряду лежишь себѣ на старомъ кожаномъ диванѣ;—уснулъ бы, да что-то жестко лежать.....

Все томить какая то полу дремота; ни одной мысли нѣтъ въ головѣ, да и думать какъ-то лѣнь становится.... Скучно...

Дверь изъ офицерской въ караульную полурастворена: тамъ, въ этой караульной, кое гдѣ, на лавкахъ у стѣнъ, какъ попало, пріютились нѣсколько усталыхъ солдатиковъ, которые дремлютъ себѣ покойно, разстегнувъ у касокъ мѣдныя чешуи.... Въ переднемъ углу—большой столъ; за столомъ—вся аристократическая часть караульной: писарь, старшій унтеръ-офицеръ и барабанщикъ, который одинъ только дозволяетъ себѣ снять свою тяжелую каску и поставить ее на столъ передъ собою...

И сидятъ себѣ эти господа очень чинно, съ чувствомъ сознанія собственнаго достоинства, а писарь очень убѣдительно и важно держитъ рѣчь къ этой компаніи:

— Таперича Санктъ-Петербургъ — городъ и Москва тоже городъ, а только Москва — перво-

престольный градъ, значить столица, а Петербургъ—резиденція, потому — императорская фамилія.. Понимаете, Кондратій Михеичъ?..

— Ну, да, значитъ,—этотъ самъ по себѣ, а тотъ—особь-статья... отвѣчаетъ не менѣе важнымъ тономъ старшій ундеръ.

Барабанщикъ ничего не отвѣчаетъ, а только продолжаетъ, какъ-то педантически, съ сохраненіемъ совершенно серьезнаго выраженія въ лицѣ, тихонько выбивать какой-то маршъ барабанными палками по своему колѣну.

Въ другомъ углу собралась группа молодыхъ солдатиковъ и внимательно слушаетъ чтеніе. Сальный огарокъ слабо освѣщаетъ книжку и лица двухъ солдатовъ. Одинъ изъ нихъ монотоннымъ голосомъ, почти по складамъ, занимается чтеніемъ, а другой, внимательно уставивъ глаза на фізіономію читальщика, какъ-то тупо слѣдитъ за раздающимися звуками. Другихъ личностей нельзя разглядѣть, только видно, что вся группа очень внимательно слушаетъ. И слышу я, какъ потихоньку раздаются довольно внятные звуки: «берет-ся въ раз-суж-де-

сужденіе при-чина мате-ріи, когда защи...
защи - щаю - щій... защищающій или позво-
ляетъ весь доводъ... сил-ло... спллоги... сил-
логи.. ги-сти... силлогисти-чес-кій... силло-
гистическій спо-собъ, про...о...изводитъ пре-
ніе должно пре..е..д... пред-почи-тать.

— Ярунòкъ! вскрикиваетъ вдругъ покрови-
тельственно начальственнымъ тономъ стар-
шій ундеръ:—что читаешь ты?... а?

— Чяво звольте, Кондратій Михеичъ?..

-- Читаешь ты что?

— А вотъ-съ... этта... книжка...

— Понимается, что книжка, — видимъ... Да
какая же книжка-то?

— А мудреная больно... Непонятственно
ужь нисколько...

— Непонятственно... Эка!.. Чево тамъ непо-
нятственно? Неси сюда!

И несетъ къ нему солдатикъ книгу, и
смотритъ на заглавіе ея ундеръ. Писарь и
барабанщикъ тоже почитаютъ за пужное на-
гнуть къ нему головы и въ свою очередь по-
смотрѣть на заглавіе.

— Эва ты, что за книга, съ достоинствомъ произносятъ старшій ундеръ и читаетъ заглавіе: «Христіана Бавмейстера логика съ латынскаго»... Да, братъ, это подлинно-што мудреная,—и не разберешь! присовокупляетъ онъ обращаясь къ читальщику.

Читальщикъ съ возвращенною книгою совершенно равнодушно уходитъ на свое мѣсто — и тоже самое чтеніе начинается снова.

Нѣсколько всторонѣ отъ слушателей «Логики Христіана Бавмейстера» расположилася еще одна интересная группа: молодой плотный рекрутикъ Павшукъ, плотно выстриженный подъ гребенку, съ добродушно улыбающеюся курносой фізіономіей, съ которой эта улыбка почти никогда не сходитъ и имѣетъ такое свойство, что если посмотришь на нее, то и самому какъ-то невольно вдругъ захочется улыбнуться. Подлѣ него старикъ Калинычъ, постоянно задумчивый, постоянно какъ-то меланхолично настроенный, молчаливый, сидитъ, понуря голову, и по временамъ о чемъ-то тихо и глубоко вздыхаетъ. И тотъ и другой слушаютъ

сказку. Калинычъ очень любитъ слушать сказки, особенно тѣ сказки, гдѣ говорится про Жаръ-птицу, про Змѣя Горыныча да про разныхъ царевичей и королевичей. Онъ ничего не говоритъ въ то время и только изрѣдка одобрительно киваетъ своей сѣдою головой. Еще пять-шесть человѣкъ, тѣсно помѣстившіеся другъ подлѣ друга, дополняютъ эту группу и всѣ очень внимательно слушаютъ бойкаго солдатика Мазурка, котораго въ ротѣ постоянно въ шутку именуютъ «мазурикомъ», и Мазурокъ никогда не оскорбляется этимъ прозваніемъ. Онъ на всѣ руки мастеръ: онъ и ротный острякъ, и ротный зашѣвало, и ротный сказочникъ. — Что-то теплое, симпатичное слышалось въ мѣрномъ, тихомъ голосѣ рассказчика, и только порою пробивалась въ немъ иронія, то ѣдкая, то задумчивая...

А я все лежу себѣ на диванѣ, оглядывая эту группу, и до меня тихо доносятся монотонные звуки сказки:

— И вотъ, братцы вы мои, прекрасный Иванъ царевичъ, приложивъ на сердце руку свою

правую, зычнымъ гласомъ возговорить рас-
прикрасной царевнѣ Милитрисѣ: «я то-исъ,
расприкрасная красота царевна Милитриса
Кирибитьевна, не ради чего другого, но ра-
ди токмо вашей прикрасной красоты и люб-
ви—семь тысящъ враговъ убилъ и семь ты-
сящъ неприятелей полонилъ, и царствіе ваше
слободилъ». — И что возговсритъ ему на эфто
самое прикрасная Милитриса: «славный царе-
вичъ Иванъ! Мы очинно вамъ на эфтомъ бла-
годарность свою понимаемъ...

— И штойто эфто, братцы, сказка больно,
кажись, скучновата, перебивается на этомъ мѣстѣ
своимъ тонкимъ, какъ будто бабьимъ голосомъ
Павшукъ, обращаясь ко всей компаніи. Старикъ
Калинычъ слегка вздрагиваетъ и отрицатель-
но мотааетъ головой; но Павшукъ не замѣтилъ
его отрицательнаго жеста.

— Право-чи, Мазурокъ, продолжаетъ онъ:—
разскажи лучше нашенскую, солдатскую, про
чорта съ некрутикомъ... Какъ было дѣло то?
ась? право-чи разскажи,—удоблетвори, братъ!..

— Потѣшь Мазурокъ, отзываются прочіе чле-
ны компаніи,—и Мазурокъ начинаетъ:

— Было, братцыи вы мои, дѣло эфто самое не то, чтобы давно, да и не то, чтобы недавно, а такъ себѣ, посрественно. Жиль-быль этта себѣ одинъ солдатикъ въ полку, вотъ хошь бы какъ я теперь... Молодой еще, не старый... А дѣлю-то было зимою... Холода-морозы стояли важнецкіе.. И поставили этта разъ ночью солдатика нашего на часы. Стоитъ онъ себѣ да мерзнетъ, вотъ хошь бы какъ теперича Охрыменко нашъ на платформѣ... Ну, хорошо! Стоитъ онъ этта себѣ стоймя и думу думаетъ—словно Калинычъ нашъ, только что головой не мотаетъ. Думаетъ онъ этта думу, что вотъ, поди-сь ты, дѣло какое: стою я себѣ тутъ, а жена съ сынишкой—въ Тамбовской губерніи лежитъ, больная можетъ быть, одна одиныхонька, да грѣтся на холодной печи: валежнику-то привести изъ лѣсу некому; а пахоту вспахать было тоже некому, такъ и хлѣбушки нѣтъ. (А вотъ намъ, братцыи, такъ завсегда, паекъ въ мѣсяцъ идетъ.—Такъ-то-сь!..). Ну, хорошо, и думаетъ этта солдатикъ, сгруснулось очень ему, бѣднягѣ: домой схотѣлось.—И подумалъ-себѣ онъ тутъ:

— «Ахъ, кабы хоть чорту-дьяволу, думаетъ, душу свою прозакладывать! пусть бы онъ за меня службу несъ, а меня домой бы снесъ. Глядь—анъ и чортъ тутъ какъ тутъ!

— «Изволь, говорить, я человѣкъ добрый, пошто не удоблетворить, хоша бы изъ одной только партикулярности, опять же и для компанства тожъ-само».

Ну-съ, такъ-то вотъ и закабалился чортъ въ службу солдатскую, на двадцать на пять лѣтъ. Снялъ съ себя солдатикъ мой амуницію и ружье поставилъ,—и тутъ его чертовымъ духомъ подняло и понесло черезъ горы высокіи, черезъ рѣки глубокіи, черезъ лѣсы дремучіи, черезъ степи широкіи, такъ-таки прямо по воздуху, вплоть до Тамбовской губерніи, до села его родимаго, до самой избенки его горемычной. Зажилъ-себѣ солдатикъ во свое удовольстро, а чортъ, значить, за него службу справляетъ; извѣстно-дѣло, тутъ ужъ безъ договору на душу у нихъ и обойтись не могло,—только ничего...

Перерядился дьяволъ во солдатскую шинелю,

сталъ амуничку надѣвать—хватъ! не тутъ то было: вѣдь португеза хрестъ навхрестъ должна на груди обходиться, а чортъ, вѣстимо дѣло, боится креста-то. Какъ тутъ быть? Думалъ, думалъ онъ этта да и ухитрился: взялъ и надѣлъ черезъ лѣвое плечо и тесакъ и сумку, и, словно ни въ чемъ не бывало, похаживаетъ себѣ съ ружьемъ на часахъ—да и токма.

Приходитъ смѣна: ефлейторъ глядь—«штой-то у тебя, братъ, тесакъ покаковски этта надѣтъ?»

— Да што, братцы, плечо правое сомлѣло—болитъ: носить не могу.

— Вотъ тѣ на! плечо... надѣвай, говорятъ, сейчасъ...

— Нѣ, братъ, какъ хошь, а не надѣну.

Ну, дѣлать нечего; повель онъ его со смѣны и докладываетъ ундеру старшему. Ундеръ чорту—зуботычину—надѣвай, значить.

— Не надѣну: плечо болитъ.

Онъ ему другую—нѣтъ, хоть што хошь, не надѣну. Ундеръ—офицеру докладываетъ. Офицеръ опять же, какъ слѣдуетъ, его побра-

нилъ — надѣвай, говоритъ — «не надѣну». Ротному докладываютъ. Ротный ему на другой день всполосовалъ спину: — надѣвай!

— «Нѣтъ, плечо ломить, хоть што хошь, а не надѣну.»

— Полковому доносятъ; полковой ту-же самому расправу сочинилъ налъ нимъ, — а чортъ все таки не надѣваетъ и дисциплины знать нисколько не хочетъ. Что тутъ дѣлать? Шефу докладывать приходится. А чорта межъ тѣмъ все по спинѣ полосуютъ: — надѣвай, значить!

— «Нѣтъ, не надѣну!»

— Наконецъ въ лазаретъ слегъ да черезъ три дня и померъ...

— «Нѣтъ, говоритъ, не вмоготу!»! сказалъ да и померъ. Тутъ за батюшкой послали: сповѣдать его, да ужь поздно: преставился... Такъ-то вотъ оно, братцы, и сказка вся тутъ! добавилъ со вздохомъ рассказчикъ, окинувъ свѣтлымъ взглядомъ слушавшую его толпу. А толпа эта очень увеличилась во время его рассказа. Интереснаго и солид-

наго разговора про то, что Москва — сама по себѣ, а Санктъ.-Петербургъ опять же особь-статья, небыло слышно.—Монотонное чтеніе логики Христіана Бавмейстера тоже притихло... Всѣ слушали и молчали. Барабанщикъ пересталъ колотить палками дробь по колѣну. Павшукъ добродушно улыбнулся, Калинычъ глубоко вздохнулъ и покачалъ головою... На всѣхъ лицахъ было замѣтно присутствіе думы и даже нѣкоторой грусти...

Все было тихо...

Надъ чѣмъ же это такъ глубоко призадумались солдаты?

УП.

ВЪЧНЫЙ ДЕЖУРНЫЙ.

Возвращаясь поздно вечеромъ изъ гостей съ однимъ пріятелемъ, и возвращаясь безъ ужину, мы зашли въ первый встрѣчный, еще не запертый трактиръ. Спросили себѣ какой-то трактирной дряни, въ родѣ селянки, или «маіонеза», и преспокойно расположились у одного уединеннаго столика, принявшись за истребленіе означенной дряни. Посѣтителей или «гостей» было очень мало: какой-то тучный нѣмецкій человѣкъ, въ дремотѣ, мы двое, да еще одна странная личность.

Эта странная личность поневолѣ обратила

на себя наше вниманіе. Странная личность была слѣдующаго вида. Низенькій, худенькій старичекъ, въ старенькомъ вицъ-мундирѣ, съ гемороидальнымъ цвѣтомъ лица, плѣшивенькій, сѣденькій, съ сивенькими бакенбардами, которые собственно не были бакенбарды, а какіе-то мизерные клочки и щепотки, но изъ приличія назывались бакенбардами. На подбородкѣ и верхней губѣ у сѣденькаго старичка выросла замѣтная щетинка—признакъ, что онъ давно не брился. Вообще вся фигура и весь, такъ сказать, ансамбль ея показывали ясно, что сѣденькая личность совсѣмъ не обращала никакого вниманія на свою внѣшность и ея реставрацію, а предоставила и самое себя, и эту внѣшность, теченію судебъ и волѣ божіей. Изъ слезящихся глазокъ старичка можно было замѣтить, по нѣкоторой красноватой припухлости, что онъ съ нѣкотораго времени ведетъ жизнь нетрезвенную—придерживается напитка. Заложа худощавыя, сморщенные руки въ кармашки худенькихъ брючекъ, онъ, пошатываясь, слонялся изъ угла въ уголъ по

комнатамъ, и поминутно заговаривалъ со слугами, стараясь при этомъ принимать на себя такой видъ, чтобы въ немъ была и улыбочка нѣкоторой фамиллярности, а въ то же время и достоинство, нѣчто даже внушительное, что вотъ-де я до васъ снисхожу, потому правъ у меня простой и добрый; но это достоинство было дѣланное, напускное, и старалось прикрыть собою совсѣмъ другое чувство, съ которымъ болѣе гармонировала улыбочка милой фамиллярности: сѣденькая личность какъ будто заискивала отчасти въ половыхъ. Но половые — народъ пройдоха, съ собачьимъ нюхомъ, что называется — тонкія бестіи, которые съ разу насквозь видятъ человѣка, и потому — на всѣ фамиллярныя улыбочки, на всѣ вопросы или замѣчанія сѣденькой личности — они либо вовсе не обращали ни малѣйшаго вниманія и пробѣгали мимо, либо относились къ нему съ полнѣйшимъ презрѣніемъ: то подсмѣиваясь надъ нимъ въ глаза, то прямо дѣлая ему выговоры, на которые сѣденькая личность, — голосомъ, находящимся въ затрудненіи — оскор-

бѣться или шутить, — отвѣчала, стараясь потрепать по плечу полового:

— «Ну, ну, братъ! тово... шутникъ ты право, ужасный шутникъ!» И тотчасъ же опять изображала на лицѣ своемъ фамиллярную улыбку.

— Ну, чего вы толчетесь-то тутъ? Шли бы спать себѣ! отнесся къ нему одинъ половой, въ то время, какъ трактирные мальчишки фыркали со смѣха въ глаза старичку. — Вѣдь безобразіе-съ — пугаломъ-то торчатъ гороховымъ! Только гостей распугиваете! Тутъ за дѣломъ, али съ порцией бѣжишь, торопишься, а вы со сваѣми пустяками пристаєте. Довольно стыдно даже съ вашей стороны! Чиновники-съ!...

Судя по всему, старичекъ получалъ здѣсь выговоры весьма часто (при насъ чуть ли не четвертый), но этотъ послѣдній почему-то показался ему оскорбительнѣе прочихъ — вѣроятно наше присутствіе было тому причиной. Онъ захотѣлъ нѣкоторымъ образомъ поправиться въ нашихъ глазахъ и потому (виднo для насъ) пріершился.

— Ну, однако, ты, милый человекъ... тово.., началъ онъ, топорщась и пофыркивая.

— Чево тово? Извѣстно, только страмъ одпнѣ! еще назойливѣе облаялъ половой.

— Ну, однако, ты, любезный... это ужь слишкомъ...

— Ладно, много васъ тутъ, таковскихъ-то!

— Во-первыхъ—если я, братецъ,—началъ сѣденькій старичекъ, съ достоинствомъ и весьма внушительнымъ тономъ,—если я могу еще пока потребовать и выпить на свой собственный счетъ — (и онъ на ладони вынулъ изъ кармана нѣсколько мелочи)—такъ я, значитъ, вовсе не таковский! И ты, какъ есть по существу своему, лакей, такъ ты съ благородными людьми не можешь компанію имѣть, а я могу... Я могу выпить съ благородными людьми, и благородные люди тоже не откажутся...

И онъ очень вѣжливо, съ подшаркиваньемъ на ходу ножкой, подошелъ къ намъ, и весьма серьезно, но добродушно раскланялся, съ разшаркиваніемъ же, что вышло необыкновенно комично.

— Извините, милостивые государи, что не имѣя чести... осмѣливаюсь... Я собственно прошу извинить невѣжество этого... слуги! обратился онъ къ намъ, съ тѣмъ же достоинствомъ и не измѣняя полунаклонной вѣжливой позы.—Позвольте мнѣ въ вашей бесѣдѣ выпить рюмку... Не подумайте, чтобы я тово... Боже меня сохрани! Я вѣдь не изъ эдакихъ... Я на свой собственный счетъ... Пока еще слава богу, могу!.. Вы не подумайте... Я только ради компаніи, если позволите...

— Сдѣлайте одолженіе! отвѣчали мы радушно и пододвинули ему стулъ.

— Эй! ты!... лакей! рюмку водки! закричалъ онъ, видимо поддержанный нашимъ вниманіемъ.

Половой тотчасъ же подалъ требуемую водку.

— Что слѣдуетъ? Получи!

И онъ, высыпавъ ему на тарелку сколько-то мелочи, привсталъ съ мѣста и обратился къ намъ въ нѣсколько офиціальномъ тонѣ:

— Позвольте излить... за оказанную честь...

Я это чувствую и понимать могу... Позвольте представиться: титулярный совѣтникъ Маркъ Марковъ Щучка...

Мы подали ему руки. Маркъ Маркычъ при этомъ не безъ гордости покосился на грубаго полового.

— Я, господа, — бродяга, продолжалъ онъ, убѣдительно упирая рукою на грудь, — ну, положимъ, я бродяга; но вѣдь и Гарибальди тоже бродяга!.. Отъ юности лѣтъ своихъ никогда бродягой не бывалъ, велъ жизнь сидячую, трудолюбивую и скромную, а въ преклонныхъ лѣтахъ — бродягой очутился. Мнѣ это очень обидно и я потому въ огорченіи. Человѣкъ! рюмку! Что слѣдуетъ, получи...

— Отчего же вы, Маркъ Маркычъ, — простите нескромный вопросъ — подъ старость въ такомъ положеніи очутились?

— Теченіе судебъ!... Одно только теченіе и больше ничего... Я очень недавно еще въ бродяжничество посвятился — всего только девятый день, не болѣе... а доселѣ былъ мирнымъ гражданиномъ и служебныя обязанно-

сти отправлялъ! грустно говорилъ онъ, съ меланхолическимъ покачиваніемъ головы.

— Гдѣ же вы служили?

— Въ NN-скомъ присутственномъ мѣстѣ, числился въ штатныхъ писцахъ по первому разряду; а былъ собственно я, такъ сказать, вѣчнымъ дежурнымъ.

— Какъ это вѣчнымъ дежурнымъ?

— Такъ-съ, волею божіею... Въ этомъ и вся исторія жизни моей заключается.

— Это очень интересно.

— Интересу большаго предполагать не смѣю, но душу свою излить, если позволите, готовъ! Потому—это самое горе очень меня гнететъ и удручаетъ. Эй, ты!—Рюмку!.. Что слѣдуетъ—получи....

— Лишь бы вы не прочь, а мы съ любопытствомъ готовы послушать, отозвался я на предложеніе старичка. Да не угодно ли вамъ съ нами поужинать?

— Нѣтъ-съ, государь мой, много вамъ благодаренъ... Я вѣдь не за тѣмъ... Я не хочу чтобы вы думали, будто я только для этого.

Если придетъ аппетитъ, я могу спросить для себя. Эй! бутербродъ! получи 5 копѣекъ!

...Да-съ, государи мои, истинно сказать—теченіе судебъ!.. На склонѣ лѣтъ—и вдругъ убить и оскорбленъ кроваво! Поступилъ я, изволите видѣть, въ означенное присутственное мѣсто (изъ семинаріи, некончалымъ) на должность писца, очень еще молодымъ человекомъ—лѣтъ двадцати четырехъ не болѣе, а мнѣ теперича уже пятьдесятъ-восемь,—значить, извольте поразмыслить—я тридцать-четыре года на службѣ состоялъ, получая семь рублей на серебро казеннаго жалованья, да съ тѣмъ и карьеру свою скончалъ, потому я не завистникъ, не искатель, и малою частію всегда доволенъ остаюсь; для того меня инфузоріемъ такимъ и въ тѣни оставили.—«Ну, что! говорятъ, это насѣкомое,—насѣкомому много ли нужно?»—И я не ропталъ, видитъ богъ, не ропталъ на это. Поступилъ я, что называется, ни буаръ, ни манже, ни сортиръ, въ одномъ фрачкѣ легонькомъ да въ нѣкоторомъ вешнемъ пальтецѣ, и то фрачекъ на

вицъ мундиръ перестряпалъ потомъ. Столо-начальникъ меня и спрашиваетъ: гдѣ ты, братецъ, живешь?— Нигдѣ-съ, говорю; квартиры и пропитанія не имѣю.— Какъ же это ты, такъ?— По бѣдности состоянія-съ, говорю; токмо что на себѣ имѣю, въ томъ и состою.— Этакъ, братецъ, говоритъ, служить нельзя; у насъ мѣсто такое, что чистоту любить.— Чувствую, говорю, начальникъ мой! будьте благодаръ-лемъ!— И вдругъ это меня словно мысль какая свыше осѣнила.— «Благодѣтель, говорю, не откажите, можно сказать, червю ползущему! Позвольте мнѣ дежурить въ мѣстѣ служенія моего, постоянно и неукоснительно, за всѣхъ остальныхъ чиновниковъ нашихъ! Я бы по крайности, говорю, хотя бы пріютъ какой имѣлъ и все же подъ теплымъ ковромъ обрѣтался. Теперь же, говорю, всѣ чиновники за дежурство платятъ семьдесятъ-пять копѣекъ въ сутки, а за праздничные и воскресные дни—рубль. Я же, говорю, готовъ въ будни брать полтинку, а въ праздники—семь гривенъ. Оно и для

господъ чиновниковъ выгоднѣе, и для меня большой расчетъ составляетъ; а я за то, говорю, всю жизнь свою, кромѣ служебныхъ занятій, одному ужъ дежурству и посвятилъ бы, и изъ комнаты дежурной очень рѣдко, развѣ за крайнею токмо нуждою, отлучался бы». Благодѣтель принялъ въ этомъ большое участіе и говорить: «хорошо, братецъ, я это устрою!» и переговоровъ съ чиновниками, дѣйстви-тельно тутъ же и устроилъ. Такъ я съ того же дня и поселился въ дежурной комнатѣ.

...Что за жизнь была! Господи, что за прекрасная жизнь! и теперь прослезишься, какъ вспомнишь!... Сначала, конечно, трудновато было, безъ средствъ существовать съ самыми мизерными крохами; ну, а потомъ пріобѣкъ и поправился. По копѣечкѣ денежку прикопилъ маленькую. На денежку завелъ себѣ понемножку подушечку, бѣльеца кое какого да халатикъ на ваткѣ, завелъ самоварчикъ и чайничекъ — и отлично, я вамъ скажу, обстроился. Въ поименованныхъ предметахъ все и имущество мое, движимое и недвижимое, за-

ключалось—какъ есть на перечетъ. Тутъ въ прихожей, рядомъ съ дежурною комнатою, перегородочка была—коморочка такая маленькая отгорожена и тамъ сторожъ нашъ изъ ундеровъ поселенъ былъ. Тамъ я себѣ маленький шкапчикъ завелъ, и въ шкапчикъ все добро свое на день складывалъ. Какъ только кончится присутствіе и вся братія по домамъ разбредется—я и остаюсь себѣ на всемъ вольномъ просторѣ. Сейчасъ мнѣ это Михеичъ за обѣдомъ сбѣгаетъ къ кухмистершѣ (по 20 копѣекъ за обѣдъ договорившись были). Поѣмъ я это себѣ щецъ да говядинки—и благодаренъ Создателю моему. Начнемъ мы съ нимъ газету читать. Онъ себѣ портняжить что-то, а я ему читаю вслухъ; и очень мы съ нимъ любили чтеніе—все знали, гдѣ что дѣлается на свѣтѣ, за политикой даже слѣдили—вѣдь и прогрессъ-то, государи мои, при насъ родился! Потомъ самоварчикъ за перегородкой наставимъ, чайку вмѣстѣ напьемся, покалякаемъ кой о чемъ и опять за работу—онъ портняжить, а я бумаги переписывать—либо

свои по службѣ, либо сочинительскія (я и у сочинителей приватно перепиской занимался— и очень одобряли!). А не то, засядемъ съ Михеичемъ, потѣхи ради, въ картишки поиграть не на интересъ, а такъ, *пуръ селенетанъ* — въ дурачки, или въ свои козыри. А тутъ и къ, ночи дѣло, гляди, подошло— и на отдыхъ члены пора отпускать. Вытащу я себѣ въ дежурную комнату, на сафьянный диванъ, подушечку свою, облекусь въ халатикъ и лягу на сонъ грядущій. — «Другъ! говорю это Михеичу, у тебя сонъ чуткій, такъ буде какое смятеніе, ты меня разбуди!» — И всегда, бывало, разбудить, непременно разбудить. Экзекуторъ у насъ иногда бдѣніе показывать любилъ. Возвращается это изъ гостей часа въ два, либо въ три ночи. — «Дай, думаетъ, зайду въ присутствіе, — все ли тамъ въ порядкѣ?» Михеичъ чуть слышитъ шаги на лѣстницѣ — такъ и бѣжитъ ко мнѣ: «вставайте, молъ, сикаторъ!» — Ну, сейчасъ это халатикъ долой — въ шкапчикъ, вицъ-мундиръ на плечи и готовъ — честь имѣю представиться въ надле-

жащемъ порядкѣ, все, молъ, обстоитъ благополучно.

Ну, потреплетъ по плечу.—«Изрядно, говорить, изрядно! одобряю, хвалю! Вы, говорить, я знаю, въ халатѣ спите, но это ничего, потому на глаза начальства, во всякую пору дня и ночи, въ благопріятномъ видѣ являетесь?»

...Ахъ, государи мои, да что это за жизнь-то золотая была! Вѣдь мнѣ дежурная комната, поймите вы, ровно матерью родной стала, кормилицей и поилицей и утѣшительницей моей — въ нѣкоторомъ родѣ, подругой жизни стала! А Михеичъ—первымъ душевнымъ пріателемъ и другомъ—вѣдь мы съ нимъ душа въ душу жили—ссоры ни разу не было!—на одномъ вѣдь гнѣздѣ состарились!—Онъ-то гораздо старѣе меня, ему ужъ теперь подъ восьмой десятокъ подвалило, а все еще бодръ и служить, и портняжить-себѣ... Такъ вотъ, послѣ такого-то сладкаго, душевнаго счастья—буколика вѣдь, можно сказать!—и вдругъ... Человѣкъ! Водки!.. Что слѣдуетъ — получи...

Переходить къ намъ нынче изъ посторонняго вѣдомства прощальга какой-то, сущій каверзникъ, и больше ничего. Провѣдалъ онъ, что я такъ и такъ — въ качествѣ вѣчнаго дежурнаго состою. Чтожь бы вы думали? — Зависть зазрѣла! Подкопы сталъ подъ меня подводить, ну, и... подвелъ! — «Щучка, говоритъ, у васъ по полтинѣ и по семи гривень дежурить, а я, говоритъ, въ конкуренцію съ нимъ пойду и цѣну на товаръ сбавлю; я, говоритъ, могу въ будни по тридцати копѣекъ, а въ праздники по полтиннику дежурить. Согласны-ли?»

Ну, тутъ, понятное дѣло, мнѣнія раздѣлились на партіи. Одна говоритъ, что тридцать выгоднѣй платить, чѣмъ полтину: двугривенникъ, молъ, на извозчика, а не то — и на выпивку нашему брату годится, и потому стали держать пройдохину сторону; а другая партія говоритъ, что за чѣмъ же намъ и Щучку обижать занапрасну? Всю жизнь человѣкъ прожилъ безъ вольной квартиры, въ дежурной комнатѣ, тамъ и состарился, — за что же мы

теперь на старости лѣтъ родныхъ пенатовъ его лишимъ?—пусть его дежурить до смерти!—Моя партія могла бы и побѣдить, но пройдоха такую каверзу подстроилъ: «пойдемте, говоритъ, господа, въ трактиръ—я нынче всѣхъ васъ на свой счетъ угощаю!» Ну, наши ребята, извѣстно, какъ отъ матери родной, такъ и отъ трактира не отказываются. Какъ пошли—такъ, значитъ, тамъ и судьбу мою рѣшили.—«Не быть, говорятъ, Щучкѣ больше дежурнымъ, пусть вольную квартиру ищетъ, а быть дежурнымъ пройдохѣ, потому, во первыхъ, изъ благодарности: угостилъ хорошо, все мѣсячное жалованіе ухлопалъ великодушно; а второе дѣло, дешевле беретъ — нашему брату способнѣе!»—Ну, и порѣшили.

Какъ объявили мнѣ это рѣшеніе—у меня даже въ глазахъ помутилось и столь мнѣ это обидно показалось—такой афронтъ чести, можно сказать,—что я, ничего имъ на это не отвѣтивши, повернулся и пошелъ себѣ въ горести такой изъ присутствія. Шель-шель, шель-шель да вотъ и дошелъ до сего пріюта,—въ немъ

же и обрѣтаюсь. По вольнымъ квартирамъ не живаль, объ жизни понятія не имѣю, и какой же я теперь, выходитъ, человѣкъ? Эй! водки! Что слѣдуетъ—получи!

... Больше ужъ и на службу ходить не хочу — и не хожу совсѣмъ! Не пилъ всю жизнь—теперь пить сталъ—потому обидно. Вся плоть моя истерзана... Никогда никакихъ недоброжелателей не преобрѣталъ, а въ старости врага имѣю. Вѣдь онъ врагъ мой, пройдоха-то!.. Врагъ! василискъ лютый! Вотъ онъ кто!.. Человѣкъ, рюмку!.. Что слѣдуетъ—получай...

И черезъ минуту растроганный старичекъ съ извиненіями удалился отъ нашего стола, а прислуга поторопилася спроводить его съ лѣстницы трактира.

Дней черезъ восемь мнѣ опять довелось завернуть въ тотъ же самый трактиръ, но Марка Маркыча Щучки тамъ уже не было. Я освѣдомился о немъ у буфетчика. Буфетчикъ съ улыбкой, которая самоувѣренно говорила: «смотрите, какой я разсудительный чело-

вѣкъ» - отвѣтилъ мнѣ, небрежно махнувъ рукою:

— Отправили!..

— Какъ такъ?

— Такъ-съ, третёва-дни отправили и сда-
ли. Сталъ ужь онъ тутъ больно часто ходить
и самъ съ собой заговариваться. Все бывало
и кричить одно: «аспида побори и василиска
въ преисподняя низвергни!» Мы думали—
пьянъ-съ, а тутъ докторъ одинъ случился: какой,
говорить, пьянъ,—онъ по всѣмъ признакамъ
ума рѣшимшись. Стали тутъ его спрашивать,
кто онъ таковъ?—Вѣчный дежурный, гово-
рить.—Гдѣ мѣсто-жительство имѣетъ?—Меж-
ду небомъ и землей, говоритъ, въ лунномъ
липартаментѣ по воздушному вѣдомству.
Тутъ его, раба божьяго, взяли, посадили въ
карету и отправили съ миромъ въ Желтый
домъ, на одиннадцатую версту—тамъ нынѣ
и обрѣтается!...

Да, тамъ и обрѣтается, ничего больше не
выживши отъ людей въ своей жизни, какъ
только одну улыбку разсудительнаго буфетчи-

ка. А между тѣмъ и въ этой жизни прошла
своя драма, и эта жизнь была... не хотѣлось
бы употребить опошлѣное, истасканное слово,
но—нечего дѣлать!—была разбита.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	<i>Стр.</i>
I. Петербургскіе вечера	3.
II. Radix jalappaе	59.
III. Рыбари-аматеры	107.
IV. Два вечера на дачѣ	125.
V. Любовь дворовыхъ	145.
VI. На гауптвахтѣ	175.
VII. Вѣчный дежурный	187.

ОТ АВТОРА

Сод.	I. Предисловие автора
3	II. Различные явления
59	III. Труды автора
107	IV. Различные явления
125	V. Различные явления
145	VI. Различные явления
173	VII. Различные явления
187	VIII. Различные явления

Krestovskij, Vsevolod Vladimirovič

Fotografičeskija kartočki peterburgskoj žizni Očerki Vsevoloda
Krestovskago

Sanktpeterburg 1865

P.o.russ. 60 a#Beibd.1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610050-9